

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

РОКОВОЙ
СРОК

Сергей Алексеев

Роковой срок

«Алексеев Сергей»

Алексеев С. Т.

Роковой срок / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей»,

Некогда сары были богаты солнцем, ветром, бескрайней степью, воинской удачью и законом своих богов. Но мир изменился, и кочевой народ стал другим – угасли сарские костры, во тьме теперь сияет только золото, глаза мужчин и женщин горят алчностью, а не отвагой и любовью. Даже нашествие персов под предводительством Дария их не вразумило. Тогда владыка кочевников Ураган решил спасти дух и волю истинных саров. Он набрал войско из отроков, чтобы возродить Скуфь и старые обычаи. И отправил Сватов в северные земли племени рапеев – «пьющих солнце» – за невестами. Ураган надеялся, что будет среди невест и дева-конокрадка Чаяна, явившаяся ему однажды в ту ночь, которая бывает раз в году... Почему и Греция, и Персия, и Рим боялись наших предков, которых они именовали скифами? Как сами скифы называли себя? Почему они исчезли, дав жизнь еще более энергичному новому народу? Чья кровь течет в нас? Всех вопросов, на которые отвечает новый роман Сергея Алексеева «Роковой срок», коротко не перечислить.

© Алексеев С. Т.

© Алексеев Сергей

Содержание

1	5
2	17
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Трофимович Алексеев

Роковой срок

Моему другу Светлане Самарской посвящается

1

По утрам бесконечная, выбитая до черной земли степь все сильнее охватывалась инеем и уже белела, как голова старика. Ночью в шатрах и кибитках становилось холодно и тревожно от несмолкаемого рева голодного скота и ржания лошадей, поэтому Ураган набрасывал на плечи широкополый плащ из хортъего меха, садился в седло и уезжал в непроглядное пространство, где горели костры наемных парфян. Однако здесь становилось еще тревожнее, ибо к вселенскому гулу, исходящему от загонных животных, вплетался многоголосый волчий вой. Становая стража, рыщущая по округе со светочами, разгоняла звериные стаи, пастухи воздавали им жертвы, выволакивая на конях павший скот, но вечные спутники кочевья, в мгновение ока пожирая падаль, жаждали свежей крови и с каждой ночью все ближе подступали к стану – чуяли скорую поживу!

Все лето волки вели себя смирно, подбирая за кочевьем ослабших и больных жеребят, зато свирепствовали конокрады, неведомым образом минуя заставы и внезапно появляясь среди ночи возле охраняемых табунов. Судя по повадкам, это были не разбойные и трусливые сакалы, не беглые и жестокие рабы, сбившиеся в стаю, и даже не редкие в этих краях варяжские ватаги, пришедшие разжиться сарскими драгоценными лошадьми. На сей раз появились конокрады чужеземные, поведение коих было не предугадать. Они возникали словно из-под земли, причем не конными, а пешими, внезапно скидывали с себя плащи и, представ нагими перед оцепеневшей стражей и пастухами, валкими ударами кулаков укладывали их наземь и мгновенно связывали прочными шелковыми нитями.

Сарское целомудрие не позволяло взирать на наготу, будь то мужская или женская, а эти конокрады были бородаты, однако вместе с тем носили косы и никто толком не рассмотрел, кто они есть на самом деле. Обездвижив стражу табунов, разбойные люди с неожиданной точностью выбирали самых резвых, необъезженных и дойных кобылиц, в мгновение ока смиряли их опять той же шелковой нитью, вставленной вместо удил, и уносились верхами в ночную тьму.

А на земле чертили левую руку Тарбиты, которая обозначала принесенную ей жертву.

Волхв со зрящим посохом и сарские умудренные старцы потом гадали, кто это был: то ли сама богиня небесного огня послала своих слуг, чтоб взяли в жертву коней, то ли так разбойники хитрили, дабы избежать погони?

Когда счет пошел на сотни угнанных коней, причем на разных кочевых путях, государь объявил свою волю и награду.

– Кто поймает хотя бы одного конокрада, – сказал он наемной страже, – по сарскому обычаю получит мое покровительство и столько земли, сколько сможет обскákat на коне за день, от восхода до заката.

Охраняли табуны в основном парфяны-изгои, которые рады были любому клочку земли, чтобы поставить на зиму свою кибитку, поэтому стража все лето рьяно охотилась за конокрадами, устраивая засады по кочевым путям, балкам и на речных бродах. Однако неуловимые чужеземцы внезапно возникали там, где их не ждали, творили свое воровское дело и пропадали в ночи. Высланная следом конница несколько раз настигала конокрадов так близко, что можно было достать кнутом, однако лошади под стражей вдруг становились как вкопанные

или спотыкались на ровной степи и летели кувырком на полном скаку, а разбойные всадники тем временем исчезали за окоемом.

Ураган не особенно-то доверял наемной страже, полагая, что изгои хитрят и сами умыкают лошадей, для отвода глаз связывая друг друга, и потом плетут небылицы о нагих и неуловимых конокрадах. Когда из его табунов угнали сразу девять молодых дойных кобылиц, а винюватые парфяны показывали выбитые зубы и клялись, что были на миг ослеплены и ошеломлены видом обнаженных разбойников, государь сам вздумал попытать удачу. Прихватив с собой сродника – подручного яркого мужа Свира, он уехал в степь и две недели каждую ночь рыскал по тем местам, где чаще всего возникали конокрадские ватаги. Днем проезжал по близлежащим балкам или вдоль малых рек, берега которых покрывал мелкий лес и кустарник – спрятаться в ровной, с открытыми окоемами, степи больше было негде.

И уж оправдывались подозрения государя: ни единого набега за этот срок не совершили конокрады. Мало того, к табунам никто чужой не приближался ни днем, ни ночью, ни одетый, ни нагой, ни конный, ни пеший – словно чуяли разбойные люди, кто на дозор вышел!

Мысля назавтра учинить спрос с наемных стражников, Ураган с вечера привязал коня в укромном месте и сел в засаду на одном берегу реки, а Свира послал на другой, хотя уже не испытывал никакой надежды скараулить конокрадов. И посему, сморенный жарой и душной от цветущих трав степью, уже за полночь он снял горячие доспехи, растелелся и, искупавшись, лег на берегу. Да сам не заметил, как заснул в ракитнике так крепко, что потерял сторожкий, чуткий слух, коим владел и во сне, и наяву.

И так почивал спокойно, без сновидений – бог земного огня послал отдохновение утомленному духу и телу.

Когда же очнулся, в тот же миг узрел у себя в изголовье сидящую на земле деву, станом и образом похожую на дочь Обаву. В этот час темно было на берегу и лишь медленно бегущая вода в реке отсвечивала небо и озаряла частый ракитник.

– Обава? – спросил он строго, укрывая плащом свою наготу. – Отчего ты здесь? И как посмела снять алый покров?

И услышал в ответ негромкий смех и чужой, грубоватый для девы голос:

– Я не Обава!

Ураган привстал, всматриваясь в расплывчатое сумеречное видение, и узрел отличие: у этой девы волосы были светлыми и доставали до земли, да и полотняные, мокрые от росы одежды слишком просты для дочери государя – некое длиннополое рубище, облипающее тело...

И тут он догадался, что это берегиня, должно быть, вышедшая из воды!

Чтоб удостовериться, государь положил ладонь на ее руку: сущие в подводном мире были холодными, как рыбы. Однако, ощутив тепло, отдернулся, а дева засмеялась громче.

– Не берегиня я, хотя из воды пришла! Не опасайся меня, Ураган!

– Ты знаешь, кто я?

– Ныне все знают: сам государь вышел на дозор табунов!

Он наконец стряхнул остатки покойного сна и облегченно вздохнул, подумав, что дева эта – парфянка, дочь какого-нибудь стражника, семьи которых кочевали вслед за своими господами, в туче пыли, и посему чаще назывались мучниками. И хотя они были родственны сарам, владели речью, строго почитали те же обычаи и богов; и хотя сары нанимали парфян, платя жалованье, иногда и жиром, но в то же время презирали изгоев за их низкое происхождение и бесславную жизнь в чужой земле.

Дева знала, кто он, однако разговаривала слишком смело и независимо, не испросив позволения, тем паче не устыдилась, позрев на него без одежды, и не убежала. А парфянам было не след приближаться к государю на попрание, если он сам того не пожелает, и молчать в его присутствии.

Однако умиротворенная купанием и приятным сном, душа еще не рождала дымного гнева, к тому же дева была так хороша и притягательна, что Ураган пожалел о ее дурном происхождении.

– Добро, ступай в свой стан, – проворчал он. – И впредь не забывай о почтении и стыде. Пусть родитель накажет тебя за пренебрежение целомудрия.

– Неведомо мне такое лихо – стыд! – засмеялась дева. – Впрочем, как и ваше целомудрие!

– Тебя что же, не учили?! – вскричал Ураган и умолк, ибо она приблизилась и овевала его манящим запахом.

– Я слышала молву, что ты грозный государь, – еще веселее рассмеялась дева. – Но на самом деле ты тверд лишь телом! И чаще бываешь ласков... А правда, что ты вдовец?

И этот ее искренний и вольный смех вдруг насторожил Урагана. Нет, никто из изгоев, влачащих жизнь подневольную, жалкую и скудную, не умел так веселиться. Тем паче женщины у парфян носили темные одежды, и все, в том числе и девы, заматывали голову, лицо и шею длинным платом, оставляя лишь одни глаза, чтоб не дышать пылью.

Эта же, словно высокородная, была в простой, но светлой пополоме и носила по-девичьи распущенные космы. Но не было в семьях родовитых саров подобной! Будучи вдовцом, Ураган давно присматривал себе невесту и видел дочерей, созревших для замужества, в домах племенных князей, ярых мужей и прочих вельможных саров, однако не видел столь стройной девы.

– Ты чья? – спросил он, пытаясь рассмотреть ее полускрытый сумерками лик. – Что-то не встречал тебя на нашем кочевом пути...

– Ничья! – Ее гулкий, булькающий смех отзывался на другом берегу. – Я принадлежу сама себе!

– Как же тебя зовут? – Государь встал на ноги и завернулся в плащ.

По сарскому имени можно было определить род и племя, а значит, и путь, по которому кочуют, и край, где расположены их города и селения.

Дева же оглядела его, и огромные глаза блеснули в полумраке.

– Ты прекрасен, государь! И молод... А говорили, будто стар и немощен!

Она скорее всего была не сарского рода, ибо по обычаю девам негоже восхищаться мужчинами, тем паче зреть на их наготу.

– Как же твое имя? – переспросил он.

– Чаяна! – Дева вдруг вскочила. – Не слышал обо мне? Коли не слышал, запомни – Чаяна!

Ураган изумился ее росту – вровень с ним была дева! Пожалуй, на голову выше Обавы, хотя обликом напоминала дочь.

– Впервые и имя такое слышу, – признался он. – Ты не сарского рода...

– Сарского, государь. – Ее скрипучий, грубый голос вдруг обрел манящее очарование. – Разве не слышишь речь мою? Не зришь образа?

– Да кто же ты, если принадлежишь себе и носишь чужестранное имя?

– Я жрица. – Дева протянула руку и тронула его бороду. – Нрав мягкий у тебя, и напрасно ты все время строжишься и гневишься...

– Жрица? Но кому ты служишь?

– Тарбите... Я ее левая рука.

Ураган ощутил горечь разочарования.

– Знать, ты не земная...

– Нет, государь, земная! – Она рассмеялась. – Земная жрица богини небесного огня! Это я оставляю знак жертвы Тарбите. На месте, где угоняют коней.

– Левую руку?.. Ты – конокрадка?

– Я жрица Чаяна! А ваши лошади – жертва богине!

– Как же тебе удастся красть необъезженных кобылиц? Которые никому не даются в руки?

– А хочешь покажу? – И смех ее перевоплотился в серебряный. – Ты мне по нраву! Тому и быть, ступай за мной.

И пошла, изгибаясь, сквозь густой ракитник, сама будто молодой побег.

Забыв о наготе, Ураган выпустил плащ, сделал порывистый шаг и в тот же миг опрокинулся, будто спутанный конь. Думая, что споткнулся о корень, он вскочил, однако снова повалился наземь. А дева бежала в гору, и ее манящий смех, словно обволакивающий туман, стелился над тихой водой.

– Ступай за мной, государь! Что же ты отстаешь? Вот так мы приносим жертвы Тарбите!

В темноте он не мог увидеть, что же мешает идти, и попытался порвать незримые путы, однако присел от боли, что ожгла лодыжки. Показалось, кожа затрещала и кровь потекла...

Государь склонился и нащупал крепчайшую шелковую нить, стягивающую ноги так, что можно было сделать лишь гусиный шаг. Выхватив засапожник, он перехватил путы и кинулся сначала на берег – на зовущий смех коварной девы, но там уже никого не было. Тогда он побежал к месту, где под речным обрывом спрятал коня, однако нашел только уздечку, словно в насмешку, так и оставленную привязанной к дереву.

Рядом на речном песке была начертана левая рука Тарбиты...

Можно было подать знак бичом, вызвать Свира с другого берега и учинить погоню, благо у подручного было два подводных коня, однако Урагана сдерживали не столько собственная оплошность – зрел конокрадку близко, разговаривал и даже рукою щупал, да не скрутил, не обвил бичом! – сколько щемящее чувство утраты, ибо в ушах все еще звучал манящий смех девы, а в памяти, будто лихо, стоял ее притягательный образ.

Государь не стал поднимать тревоги и до рассвета простоял на берегу, вслушиваясь в ночную безмолвную степь и собственную душу, где вместо пенного гнева разливалась незнакомая печаль, смешанная с радостью, как если бы в веселящую хмельную суру добавили горькой полыни.

И чтоб сберечь это чувство, он вздумал утаить встречу с конокрадкой, а вызвав подручного, сказал, что лошадь отвязалась и убежала в степь. Наученный и мудрый Свир вопрошать государя не посмел, однако же сказал задумчиво:

– То ли пригрезилось, то ли ослышался я. Но будто бы на твоём берегу кто-то смеялся.

– Ты, брат, должно быть, спал! – нарочито укорил его Ураган.

– В том-то и суть, что бодрствовал всю ночь. И слышал женский смех.

– Верно, берегини ночью веселились на отмели.

– Да ведь луна убывает, – стал размышлять ярый муж. – А если она на убыль – берегини на дно. Ты ничего не слышал, брат?

– По правде сказать, я заснул, – признался государь, дабы отвести подручному глаза. – Поедем же на стан!

С той поры конокрады пропали с государева кочевого пути точно так же, как и появились, – внезапно и бесследно. Ураган еще долго ездил в одиночку по степи и часто останавливался на ночь возле реки, где явилась ему жрица Чаяна, однако, кроме берегинь, не зрел более никого. Кочевье уходило все глубже в полунощные степи, и ездить на то место становилось далеко, и, чтобы выжечь из памяти ее образ, государь жег руки жертвенным пламенем и зывал к богам, но не находил утешения. Тогда он вспомнил о своей наложнице, которая кочевала в отдельной кибитке вместе с таборами наемных парфян, и однажды вошел к ней, дабы забыться под ласками прекрасной персиянки. Но, посмотрев на ее смуглое тело и смолистую чернь косм, вдруг еще ярче узрел светлый образ Чаяны и, не прикоснувшись к наложнице, вскочил на коня и умчался в степь.

Вскоре сары откочевали из тех мест далеко в восточную сторону, где стража по-прежнему охотилась за конокрадами, однако лошадей более никто не угонял, и потому о них скоро забыли, как забывали о прочих и привычных напастях, будь то жгучий зной, холод или засуха. К тому же спокойнее в степи не стало, ибо на смену невиданному разбойному племени пришли осмелевшие волчьи стаи, и теперь следовало переживать и эту напасть.

Сары воспринимали мир таким, каков он есть, и все, что окружало их, имело право быть сущим.

– Дозволь, брат, дать стражникам луки и стрелы? – в который уж раз просили особо нетерпеливые ярые мужи – родовые старейшины. – Бичами не сладить! Порежут молодняк разбойные звери!

– Войны с хортью не затевать, – приказывал Ураган. – Жертвуйте зверю больной и мелкий скот.

Племенные князья, дальние сродники, что кочевали по одному кочевому пути, иначе называемые спутники, смотрели на государя с надеждой, а говорили с тревожной одышкой:

– Уходить надо, брат! На сотни поприщ в округе нет травы! А зимние пастбища перезревают! Еще два-три дня, и начнется мор. Станем вволю кормить волков!

– Не зрел я еще птицы в небе, – ворчливо отзывался государь. – Как увижу, так сразу дам знак. Или вы уже позрели ее?

– Зреть не зрели, Ураган! – шепотом сообщали именитые мужи. – Но однажды слышали шорох крыльев птицы.

Князья были неспособны сесть на коней из-за своей тучности, передвигались, восседая на носилках, которые носили рабы, потому давно не видели неба, да и что творится в степи, зреть не могли. А хитрили, чтобы подвинуть государя в обратный кочевой путь.

Он же ведал все их хитрости и отвечал тем же:

– Это казарки пролетали.

– Если гуси откочевали, то и птице пора! Что же не летит она в сей год?

– У Тарбиты спросите...

Начиналось кочевье ранней весной, когда богиня небесного огня выпускала из своей клетки птицу Сирина. Истосковавшись по воле, она вначале кружила над волнами Азара, после чего поднималась над землей и пела песнь, зовущую людей встать на кочевой путь. Всякий сар в эти дни ощущал томительную тоску и страсть поскорее оставить зимние оседлые жилища и отправиться на полунощ, вслед за птицей.

Если же кочевник не испытывал весной такого чувства, не запрягал коней и не мазал колес, значит, был мертв.

Это была вечная, необоримая сила, манящая в дорогу – та же самая, что поднимала на крыло перелетных птиц. И все – рождение и смерть, любовь и ненависть, добро и зло, все сокровенное и истинное свершалось, покуда сары жили в вольной степи, двигаясь по кочевому пути.

А осенью птица Сирин возвращалась с полунощного края сарской земли и манила за собой людей, на сей раз песней прощальной, ибо грядущая зима сулила неволю, хоть и в золотой, хоть и божьей, но все-таки клетке.

Зреть эту птицу и слышать ее песни были способны лишь причастные, кому ведомо истинное имя богини. А ими были юные, непорочные девы, Владычный государь и еще те счастливые, с кем поделились частью по воле рока.

Но каждый рожденный на свет сар единственный раз в жизни слышал ее пение – тотчас, когда лежал на смертном одре.

В этом году припозднилась птица Сирин, не слышать было ее прощальной песни, или Ураган, одержимый земным, не поднимал очей и не позрел ее в небе, поскольку над головою

то и дело проносились стаи певчих птиц, стрижей и казарок, зимующих на Азаре. И потому сары все еще стояли станом в истоке Денницы и табуны выгрызали из земли уже корни трав.

С каждым прошедшим днем именитые мужи допытывались все настойчивее, не хитрили и уже требовали повернуть в сторону теплой степи, не дожидаясь знака Тарбиты.

– Кони худеют, государь! – волновались они. – И сколько конокрады угнали?.. Что нам скажут купцы, коли не сдержим слова? И впереди месяц кочевья до Азара и теплой степи!

– Постоим еще три дня, – каждый раз обещал государь. – Подождем роковой срок.

Но миновало три, потом еще трижды по три дня, и каждый раз все повторялось. Более всего спутников беспокоило то, что они не вовремя пригонят на ярмарку к причалам свой драгоценный товар – трехлетних жеребчиков, за которых щедро платили жиром. Кобылиц сары не продавали вовсе, дабы иноземцы не вздумали сами разводить степных скакунов. Однако кони, которым было отпущено жизни до двадцати и более лет, считались товаром, который скоро портился: если вовремя не сбыть его, передержать всего лишь на год, цена падала вдвое. А коня пяти лет уже и вовсе никто не брал.

Молодые лошади, как и девы, старели быстро...

Однако раз в три года собиралась великая ярмарка, на которой покупалось все, в том числе даже хромые лошади, пегие, не вышедшие по масти, и перестарки. Вразумительного объяснения сему явлению у саров не было: им, живущим по совести, невдомек было, что заморские гости, покупая вполцены такой товар, получают большую выгоду, ибо хромоту потом лечат, пежины закрашивают, а перестаркам снижают возраст.

Сары теперь и ждали этой великой ярмарки, надеясь сбыть свой залежалый товар.

Сняться и кочевать в одиночку племенные князья уже не могли из-за собственной вялой стражи и волчьих повадок: хортые полчище немедля бы снялось следом и где-нибудь в глухой степи устроило бы короткую расправу. Или бы выследили сакалы-людоеды, а хуже, наемные пастухи и рабы сами бы обратились в зверей, вырезали бы в одну ночь все племя, угнали табуны вместе с кибитками и спрятанным в них жиром...

– Что мы ждем, брат? – поэтому уже доверительно вопрошали князья.

– Птицу счастья, – отвечал Ураган. – Как узрю ее в небе, так и вам знак подам.

– А не сродника ли, Важдая ждем? Куда ты послал его?

– Доли своей поискать...

– Своей ли? – Что-то подозревали умудренные родовитые спутники. – Уж не за невестой ли отправил воеводу? За иноземной?

– А хоть бы и за невестой, – уклонился Ураган. – Не пристало государю жить вдовцом – государство овдовеет.

– Что же тебе свои девы не по нраву?

Каждый из них жаждал породниться с Сарским Владыкой, ибо по достоинству тесть тотчас стал бы подручным ярым мужем, советчиком и первым вельможей, допущенным вести торг с иноземными купцами, что сейчас делал младший брат Кочень со своими подручными. Тайно или явно, напрямую или с хитростью преступая законы Тарги, племенные князья показывали Урагану своих дочерей с надеждой, что тот присмотрит себе невесту. Он и в самом деле взирал на созревших для замужества, однако рано ожиревших дев, кои едва передвигались на кривых и коротких ножках и томились не от жажды приятия, не от юной тяги к любовному сладострастию, а от собственной тучности, потливости и болезненного густокровия.

Вдовый государь порою с ужасом думал, что не видать ему ни молодой жены, способной рожать, ни наследника, коему со временем следует передать Владычество.

– Ваши дочери добрые девы, – чтобы не обидеть князей, говорил Ураган. – Да ведь наш обычай еще добрее – выбирать жену по любви и согласию, как заповедала Тарбита.

Против сего довода они не могли ничего сказать, ибо делали вид, будто сами строго блюдут земные и небесные законы. А по ним сарский властелин обязан был родить сына-

наследника и не от наложницы, не рабыни-персиянки, привезенной из похода – непременно от избранной самим жены. В противном случае собиралось вече, на коем государь лишался права выбора невесты. А чтобы он не посмел своеволить, пользуясь свободой и властью, его заключали в каменную вежу и приводили деву, избранную вечевыми старцами, и отдавали в жены без любви и согласия.

И пребывать в этой замурованной башне полагалось до той поры, пока не родится наследник. Если государь вздумал бы блюсти свои чувства, не творить вено и не прикасаться к вечевой невесте, то мог просидеть в заточении много лет и, по сути, низвести свой владычный род. Однако когда прибегали к подобному действию, предание не помнило случая, чтобы государи отвергали посаженных им дев, и, по обыкновению, через девять месяцев созывали народ к веже и показывали сквозь бойницу новорожденного наследника.

Рано овдовевший Ураган вначале не спешил жениться во второй раз, надеясь избрать невесту по любви и согласию, к тому же был молод, немногим за тридцать, однако племенные князья, вечевые старцы и даже волхв со зрящим посохом то и дело напоминали ему о долге государя продлить свой род. Первая жена его, избранная в юности, страдала от густокровия и кое-как родила дочь Обаву, после чего уже не могла более зачать и вскорости умерла. Ураган долго тосковал по жене и, когда разветрилась печаль на кочевых путях, взял на вскормление отрока, сродника жены, дал ему имя Ровен и стал пестовать из него мужа, каким бы желал видеть сына своего. Приемный наследником быть не мог, ибо вече никогда бы не признало его государем, и Ураган не мыслил об этом, однако испытывал желание учить и наставлять отрока, дабы тот со временем стал верным подручным ярым мужем. Пусть даже не ему встанет под руку, а будущему наследнику.

И дочь свою, Обаву, Ураган тоже вздумал вырастить такой, чтобы не повторилась судьба ее матери. Он взращивал и вскармливал ее по старым обычаям, лишая многих удовольствий, которыми теперь тешили сары своих чад. Вместо детских, а потом и отроческих забав она не покидала седла, овладевая воинским ремеслом, и в отрочестве ей открылось то, что в прежние времена было обыденным для дев ее возраста – тайное имя богини небесного огня.

Уединившись в степи или в своих покоях зимнего дворца, она мысленно говорила с Тарбитой, и в такой миг никто не смел нарушить этой беседы, тем паче выведать таинство их глагола.

Когда-то девы, обретшие воинственный нрав, а вместо силы богатырской девичье проворство и отвагу, собирались в ватаги и ходили в стремительные и дерзкие походы, защищая порубежные земли. Обаве же, за неимением таких ватаг, пришлось ездить с родовой стражей супротив конокрадов и сакальских разбойных людей, кои делали набеги и угоняли скот.

Двенадцати лет от роду она сразила в конной схватке первого супостата, и это теперь позволяло готовить Обаву к замужеству. Всем таинствам будущей жены во все памятные времена девы обучались у ягинь – стариц, которые приходили в сарские земли невесть откуда и жили уединенно в лесах, где таковые были, а то в землянках, вырытых в берегу реки или моря. Однако ныне мудрые ягини редко приходили к сарам, и потому подручные государя долго рыскали по кочевым путям или вовсе без путей, пока не отыскивали одну-единственную старицу, жившую в дубраве на реке Божьи Чары. Ураган отвез Обаву к ягине, дабы та самолично убедилась, чья это дочь, и наказал, чтоб вскормила ее нрав по старым обычаям.

И в этот же год персидский царь, воздвигнув мост через Горло в Черемном море, вошел в сарские земли, на коих жили родственные, но давно отпавшие от государства племена...

После войны вечевые старцы надеялись, что вдохновленный Ураган подумает о наследнике и непременно изберет себе невесту, ибо, празднуя победу, по обычаю он отправился объезжать все кочевые пути, дабы принять благодарность от своего народа. Целый год в окружении немногочисленной свиты государь путешествовал по своим землям от края до края и тешился лишь с наложницей-персиянкой, отнятой у царя Дария, хотя самые достойные, прекрасные

девы выносили ему чары с сурой и пели здравицы. Но, взирая на них, Сарский Владыка все более мрачнел и возвратился вовсе подавленным и молчаливым.

И тогда вечевые старцы, устав ждать государевой женитьбы, собрались на совет и определили ему роковой срок в три года. Если за это время Ураган не найдет себе невесту по любви и согласию, то старцы поступят по закону и, собрав вече, настоят на заточении в каменную вежу, а уж вечерую невесту они ему выберут, отняв наложницу.

Государь тогда не внял угрозам, ибо тешил иные думы. Обава вернулась от ягини не отроком, а мудрой девой, созревшей для замужества. Еще в прошлое кочевье Ураган ждал часа, когда она совершит оглас, то есть выбор жениха, и сообщит об этом отцу.

Тогда бы ему не нужно было жениться в другой раз: наследником бы стал внук, рожденный Обавой. Он искренне любовался дочерью и тешился мыслью понудить саров к соблюдению старых законов вскармливания своих детей, и тогда бы все девы были похожи на нее ликом, станом и нравом, и было бы из кого выбрать себе невесту...

Однако своенравная Обава разрушила свой образ, радуя сердце и око, внезапно и дерзко преступила всякие обычаи и разгневала своим огласом так, что ныне сидела под карающим покровом в белой кибитке и омывала слезами свою порочную душу.

Князья не ведали о горе, что приключилось с Ураганом и его дочерью, поэтому слова об иноземной невесте вызвали обиду и недоумение.

- Почто он наших дев не берет? Почто брезгует родством с нами?
- И Обаву замуж не отдает за наших сыновей!
- Под карой держит!
- Отчего не позволяет идти в теплую степь? Ныне великая ярмарка!
- Да причастен ли государь? Зрит ли он птицу Сирин?
- Дождется каменной вежи и вечерой невесты...
- Куда услад Скуфь, оставив нас наедине с конокрадами и волчьими стаями?

Ропот обращался уже в тихий гнев.

И только наемные пастухи-парфяны да персидские пленники-рабы помалкивали, как и полагалось в присутствии государя, но видно было, тешили в головах иные думы, жаловались хозяевам, что вот-вот начнется падеж, подвигали их оставить стан и кочевать в теплую степь без воли государя.

Огромные стада животных с подросшим весенним приплодом уже не помещались в загоны и потому были легко доступны зверю. Стража и пастухи по ночам отбивались пока что кнутами, светочами и пылающими головнями; пежили тех молодых переярков, что теряли терпение, однако до смерти не забивали, поскольку тотчас разразилась бы лютая брань.

По древнему закону степь принадлежала всем, кто живет и кормится на ее просторах, ибо люди, прирученные животные и дикие звери относились к одному роду Земных тварей. Тем паче в царстве народа сар хорт был почитаемым зверем: считалось, что не все волки – звери и многие из них – это люди из племени дивов. Но забирались в волчью шкуру и сары-изгой – вечные путники и скитальцы, а еще божьи служанки-оборотни, коих Тарбита посылала в степь, чтоб посмотреть, как чтут законы Тарги.

Поэтому на жертвенной охоте, которую устраивали раз в году в день зимнего солнцестояния, серых испытывали бичом, прежде чем сделать своей добычей. Всадник настигал хорта и вздымал над его спиной тяжелый трехсаженный бич, но всякий раз так, чтобы даже шерсти не коснуться, а щелчок должен был прозвучать перед самым носом. Если после третьего щелчка зверь продолжал бежать, значит, можно было замахнуть его, располосовать шкуру вдоль позвоночника и содрать ее, пока кровит рана.

Но если хортый зверь вдруг встал на полном ходу, закрутился на месте и лег, верный признак оборотня.

Бывало, несдержанный и слишком ярый охотник, мысля прослыть удачливым, засекал волка без испытания, а в его шкуре оказывался человек, да чаще всего глубокий старец, неспособный уже ходить по земле в человеческом образе. И тогда следовало наказание преступившему закон: под всем его родом начинали спотыкаться даже самые лучшие лошади, причем чаще на полном скаку. Наступало самое обидное и позорное для сара состояние, когда он не мог ездить верхом и вынужден был передвигаться в кибитке вместе с женщинами или в боевой колеснице, что вызывало смех.

За один день жертвенной охоты добывали тысячи волков, и звери никогда не мстили людям, ибо и сами ходили под покровительством Тарбиты. Из выделанного особым образом меха матерых шили скуфейчатые шапки, боевые плащи-обереги для мужчин, а из нежной подбрюшной части шкур волчиц, где были соски, – женские подперси, которые поддерживали грудь кормящих матерей и дев, коим до замужества позволялось ездить верхом.

Войны с хищным зверем возникали лишь в исключительных случаях, когда от болезней погибали кони и скот, а волки не желали пропастины, которой было вдоволь, жаждали горячей крови и резали оставшихся на развод кобылиц, преступая вечный закон степи. Или когда молодые стражники по недомыслию и ловчему азарту, в свою очередь, тоже нарушали закон Тарги, стреляли или насмерть засекали преследующую табун волчьей стаей.

Исход долгих битв оказывался всегда плачевным, и, несмотря на мужество обеих сторон, еще ни разу никто не достигал полной победы. Если верх одерживало хортье племя, из мести истребляя домашний скот и коней, то скоро гибло само от бескормицы; если же одолевал человек, то у прирученных животных начинались болезни и мор.

Равновесие восстанавливалось, когда среди людей появлялась дева, от рождения знающая речь всяческого зверя, за что и получала имя Обава. И тогда сары заключали мир с хортским племенем и долгое время жили рядом друг с другом.

Послушав младенческий лепет своей первой дочери, Ураган назвал ее этим именем и не ошибся. В последние годы летних кочевий Обава не раз мирила людей и хортские стаи: как только волки исполчатся, она выедет к ним навстречу и так запоеет, закричит – будто сама волчица! Несдержанные переярки усмирятся, матерых и вовсе словно стыд берет, опустят головы и бредут в степь.

Каждую ночь, объезжая стан, слушая ропот родовых князей и близкий многоголосый вой хортских стай, сарский государь мысленно ждал войны, ибо терпение заканчивалось и у людей, и у хищников. Следовало бы послать на их усмирение Обаву, как бывало в прошлые кочевья, и Ураган несколько раз подъезжал к ее кибитке, но тут вспоминал о беспутстве дочери, несомой ею каре и резко отворачивал в сторону, чтобы мудрая и чуткая не узрела его минутной слабости.

Не бывало еще столько волчьей силы, должно быть, богатый нынче приплод у хортского племени.

А это верный признак скорой войны. Не зря кочевой посошный волхв твердит, что где-то в жарких пустынях готовится к походу царь оскорбленных персов, коих Ураган четыре года тому умучил в степях и победил, с позором изгнав из своих пределов. И вот теперь, мол, персы замыслили отомстить сарам за поражение.

Ураган отгонял недобрые мысли и тешил себя: мол, нечем зверю поживиться в степи, вот он и собрался вокруг сарского стана. Слишком соблазнительно выглядели несметные табуны лошадей и особенно молодняка, народившегося уже в это кочевье, и слишком слабосильной и неразворотливой казалась наемная кочевая и становая стражи, чтобы с одним бичом противостать дикому зверю, пресыщенному жертвенным скотом и падалью.

Переярки ли не удержатся и выхватят клыками промежность у жеребенка, или юный страж – стрелу из колчана...

И затеется ссора.

По обыкновению, кочевье начиналось весной, как только степь охватывалась свежей зеленью, и заканчивалось глубокой осенью на теплых побережьях Хвалынского, Черемного морей и Азара, который сухопутные сары считали священным озером. Здесь был край сарской земли и ее начало, поскольку здесь стояли зимние, сейчас пустующие, селения, города и стольный град Казар. Тут же была «теплая степь» – зимние пастбища, все лето охраняемые родовыми отрядами конниц, собранных из сарских паров.

С этих побережий, словно огромный веер, расходилось в разные стороны полтора десятка кочевых путей, достигающих дремучих лесов за Обавой-рекой на востоке, Окой и Рапейскими горами в полунощи и Одром на западе. В прежние могущественные времена эти пути, будто кровотоки в теле, оживляли и делали чувствительным все огромное пространство сарских земель, и в какой бы стороне ни жил кочевой сар, каким бы путем ни кочевал, всегда ощущал это пространство и непременно стремился хотя бы раз побывать на берегах Азара.

А чтобы приобщиться к священному месту, следовало обскакать озеро на коне.

Звучание этого названия на сарском языке ласкало слух и притягивало чувства, ибо значило Начало Земли.

Однако за последние столетия многие пути были забыты или вовсе превратились в дороги, по которым гоняют табуны и стада с зимних пастбищ на летние и обратно. И потому многие земли Сарского государства отпали, обратившись в малые, по обыкновению, подневольные страны либо племенные разбойничьи прибежища. Стольный град Казар и прочие города на побережьях морей, впрочем, как и оставшиеся кочевые пути, притягивали теперь своими богатствами, обилием табунов и жиром, который сары всегда брали с собой, куда бы ни ехали.

Пока Ураган кочевал с близкими ему племенами и своим родом, в Казаре оставался его младший брат Кочень, бывший наместником стольного града. Он заботился об охране, управлял строительством и, самое главное, готовился к ярмарке, договариваясь с князьями кочевых путей и заморскими гостями. Все морское побережье осенью превращалось в одну пристань, от которой во все стороны расходился великий Азарский Торг. Еще два поменьше существовали на Хвалынском и Черемном морях, через которые проходили кочевые пути.

К этим берегам чалились полупорожние, а то и вовсе пустые купеческие корабли: уже многие годы в Сарском государстве не существовало меновой торговли. Дорогих неутомимых степных скакунов, которых ценили за горами и морями, продавали только за золото; за него же отдавали куфскойковки мечи и секиры, перед коими не стояли любые доспехи; за монеты не жалели даже то, чего еще не знали ни за морями, ни за горами – боевые сарские седла со стременами. На вырученный жир покупали у заморских гостей сладости, пряности и диких фруктов, стоившие ничуть не меньше, чем драгоценный боевой конь. И только кожу да звериный мех обменивали на шелковые и иные ткани.

В сарских землях называли золото и серебро жиром, и потому «жирный» означало богатый. В последние сто лет в прошлом даже самые бедные сары нагуливали его с великим избытком, как стадо на свежем весеннем пастбище, и недавняя война с персами не повредила их богатству, а, напротив, возвысила его за счет добычи, захваченной у супостата. Оттого и вору чали племенные князья, опасаясь хортъего нашествия, оттого и спешили откочевать к морю, опасаясь потерять даже самое малое.

Если в былые времена золотые монеты брали для того, чтобы отливать и чеканить из них чаши, походные огницы, гребни и все иные изделия, необходимые для обрядовых действий на похоронах и жертвоприношениях Тарбите, а из серебряных – сосуды для хранения воды, братины, кубки и иную посуду, то ныне все чаще теми и другими монетами платили парфянам, кимрам и прочим наемным пастухам, кожемякам, каменщикам и плотникам, что рубили вежи в зимних городах и возводили каменные дворцы. Мало того, некоторые племена саров, осо-

бенно в далеких полуденных и жарких землях, за те же монеты стали приглашать разбойных сакалов, дабы защищать свое порубежье от набегов пустынных кочевников и самих сакалов.

Но и это преступление можно было бы не замечать Урагану, поскольку большинство соседних народов и государств за теми же морями и горами давно жили и благоденствовали наемным и рабским трудом, если бы не возникло скорое и неожиданное преобразование. Всегда мускулистые, поджарые сары, привыкшие к скудной молочной пище, люди-всадники, сросшиеся с лошадью, а весь народ – стремительная и непобедимая конница, перед которой трепетали могущественные цари, этот великий народ вдруг начал грузнеть, раздаваться вширь от мало-подвижности и обилия мяса.

Волшебством ли мудрых волхвов, волчьей ли прозорливостью принимающих жертвы богов, благоволием ли Тарги или добродетелями Тарбиты, но вот уже миновало более ста лет, как не случалось повального конского и скотьего мора, засухи и прочих напастей, низводящих всякие кочевые труды к очистительным кострам, в которых сжигали павший скот и лошадей. За это время родилось и умерло всего-то два поколения саров и вызрело третье, но и этой благодати было достаточно, чтобы искусные наездники и рослые, могучие воины превратились в неуклюжие туловища на коротких и кривых ногах, а то и вовсе без таковых.

Молодые сары еще скакали на лошадях, но к тридцатилетнему возрасту, когда лишь набиралась коренная мужская сила, они грузнели, раздувались от густокровия и редко кто мог ездить верхом, да и те уже с трудом держались в седле и без посторонней помощи не могли спешиться. Однако чтобы никто не упрекал мужчин, что они, подобно женщинам, кочуют в кибитках, растолстевшие сары стали ездить в носилках, которые укреплялись меж двух коней и в которых прежде возили раненых витязей с поля брани. Сами они пасти и охранять свои стада и табуны не могли, а поэтому нанимали безземельных изгнанников парфян или продавали коней и покупали за золото рабов, которых привозили на кораблях ромейские купцы. Эти рабы служили сарам и сопровождали всюду, в том числе и носили их в носилках, когда надо было передвигаться по городу или кочевому стану. Похваляясь друг перед другом, ожиревшие мужчины украшали носилки и одежды своих носильщиков серебром, златом и даже самоцветами, чем приводили чужеземных гостей в недоуменное ошеломление и возбуждали алчность.

А еще были живы и хорошо помнили прежнюю славу и стать старцы-бродяги, что ходили по землям, обернувшись хортом.

– Что с вами стало, сары? – вопрошали они, приняв человеческий образ. – Желтый жир сделал вас свиньями, которые никогда не видят неба! Неужто это вы, потомки славных вольных племен, у коих были общие табуны коней, стада скота и достаток? Неужто вы не внуки своих дедов, которые во имя совести и справедливости могли лишиться себя жизни? И случилось это потому, что вы преступили закон Тарги! Посмотрите вокруг себя и скажите друг другу, на кого вы похожи? Пока этого не узрели ваши рабы и наемные парфяны! Или обиженные персы! Не узрели и не пустили вас на мясо!

Сары внимали бродягам, и многие испытывали утешение, но привыкшие к сытости, мягкие и умиротворенные, уже не могли избавиться ни от желтого жира, привозимого купцами, ни от своего собственного, который теперь так и называли. И все-таки не это сейчас тревожило государя...

А то, что сарские женщины перестали рожать.

Некогда воинственные и равноправные, до замужества они носили оружие, участвовали в боевых и разбойных походах, образуя красу и гордость Сарского государства – конницы девственников, которые возникали перед неприятелем словно из-под земли, наносили стремительные, жесткие удары и так же исчезали. По преданию, павшие в битвах с супостатом становились невестами Тарги и уходили к нему в подземное царство, где и доныне был сущ Ирий. Лишь сразив супостата, дева получала право огласить своего избранника, и после замужества

воительница оставляла на груди один только нож в золоченом чехле, как память о ратной юности и как знак вольного рода, который теперь обязывалась продлять.

Однако и тут желтый жир проник в женское детородное тело, сердце и сделал густой кровь: увешенные золотыми украшениями, изнеможденные холой и негой, они кое-как рожали первенца и, становясь тучными, более не могли зачать. Да и это единственное дитя появлялось на свет хворым, со сгущенной кровью, которая делала мальчиков неповоротливыми, девочек холодными и бесстрастными, а всех вместе напрочь лишенными всяческих чувств и желаний.

И от этого уже многие почитаемые и великие роды захирели, а то и вовсе сошли на нет. Некоторые окраинные племена, видя, как богатеют коренные сары, вышли из-под владычества государя и стали жить сами по себе, дабы не платить оброка и оставлять его себе. Однако, оторвавшись от государства, они оторвались от кочевых путей и морских ярмарок, куда съезжались и сплывались купцы со всего света. И не зная, как продать своих лошадей, не умея управлять землями, они стали стремительно нищать, и многие подались к тем же коренным сарам, дабы пасти и охранять их лошадей и коров.

Вольное население степей стремительно уменьшалось, тогда как росли стада скота и табуны коней; обманчивое богатство Сарского царства манило к себе несметными сокровищами не только окраинные обедневшие сарские племена, но всех – от малочисленных диких разбойников до мстительных персов и алчных ромеев. Те и другие еще не забыли великих побед саров и опасались их неотвратимых, как судьба, лавин всадников; все они помнили остроту куфских мечей, секир и обвалы тучи грозowych стрел, прожигающих латы огнем.

Но уже чуяли слабость!

Сотни лазутчиков, приезжая на сарские берега под разными личинами, норовили проникнуть в глубь степей, дабы взглянуть на коренных саров, которые большую часть года все время передвигались по десяткам неведомых, большим и малым кочевым путям. То, что на пристанях и в зимних городах они видели заплывших жиром племенных князей и их слуг, продающих иноземцам свой товар, еще ничего не значило, ибо вельможи всех богатых царств, а также их подручные и даже собаки выглядели так же. Зная об этом, Ураган велел старейшинам родов и главам семей ни в коем случае не показываться на глаза иноземцам, даже если те будут рассыпать жир по степи. Однако растолстевшие женщины, ведя вольготную, сытую жизнь, надевали пестрые дорогие одежды и от скуки и любопытства норовили покрасоваться перед каждым гостем.

Легче было утаить шило в мешке, чем малочисленных, однако самодовольных, почти неспособных к сопротивлению саров, которые до сей поры кичились своей непобедимостью в последней войне с персами и ни на мгновение не сомневались, что побежденный супостат уже более не оправится от поражения и не посмеет отомстить за свой позор.

Некогда могучее государство напоминало теперь тучное стадо разжиревшего в вольной степи скота – легкую добычу для лютых конокрадов и хортъего полчища...

2

Урагану мыслилось, что нашествие персидского царя Дария заставит вспомнить саров о своих нравах и обычаях, заповеданных богом земного огня, главным из коих был закон совести.

По этому закону всякий вольный сар обязан был сам и только силой своего рода пасти скот и лошадей, доить кобылиц, строить жилище и защищать свою землю, размеры которой определялись по тому, сколько каждый мог обскákat на коне за один день, от восхода до заката. В прошлые времена совесть не разрешала нанимать изгоев или покупать рабов, которые пасли бы табуны и стада, ковали оружие и строили хоромы. Только плененных в войнах врагов позволялось поработать, дабы на вечные времена лишить их свободы и возможности отомстить за свое поражение. Да и то, если такой раб был ранен или хвор, следовало лечить его и докармливать до смерти. А коли родственники придут и, дав клятву не мстить, пожелают взять пленного, то следует отдать его безвозмездно.

Суть этого закона состояла в том, что он был не писан и потому как бы не сущ, словно незримое и хрупкое стекло. Блюдя его, нельзя было поступиться малым во имя великого, и наоборот. Стоило единый раз сотворить не по совести, как от сего закона оставались лишь осколки. Многие народы в те ветхие времена и вовсе не ведали его, и когда, приезжая в Сарское государство, зрели нравы и обычаи, то непомерно дивились им, по своему неразумению считая это дикостью. Ведь тогда весь мир был сущ по единому закону алчности, который считался благом и не вызывал удивления.

Тая свои мысли, Владыка желал, чтоб супостат поскорее выстроил мост да переправился в сарские пределы. От своих лазутчиков государь знал о скором нашествии Дария, однако ни племенным князьям, ни ярым мужам и слова не сказал о грядущей войне, думая, что, внезапно появившись в подвластных землях, персы заставят народ содрогнуться, объединиться и вспомнить законы Тарги, хотя бы тотчас, когда их жиру будет грозить опасность.

Однако многие вельможные сары, слушая вездесущих купцов, что продавали пряности и лечебное зелье, тоже ведали о строительстве моста, но не верили, что Дарий посмеет напасть. Они торговали с персами еще с времен, когда те были под пятой у саров и их коврами устилали не только кибитки и вежи, но и грязи, когда застревали телеги.

А Дарий перевел по мосту войско числом в семь сот тысяч, нанял греков, дабы те сторожили его, покуда не вернется назад, и отправился в сарские земли.

В былые времена, когда еще степь гудела от великого множества народа, когда только от скрипа колес бежали прочь конокрады и разбойники, ищущие поживы, старейшины родов сами приводили отроков на службу и еще упрашивали взять, ибо служить государю считалось за честь. В случае большого похода или набега племенные князья в один день собирали ополчение, а в мирное время государь держал под рукой лишь малую дружину, числом в десять тысяч, по числу родов, однако ярую и клыкастую, как волчья стая. И называлась она Скуфь, поскольку ковали ее, как куют меч: выплавленное из руды железо – куфью – отец зарывал в землю в скотьем загоне, а по истечении трех лет откапывал, расковывал в полосу и вновь предавал земле. Повторяли так, пока не выйдет вся ржавчина, не сотлеет его мягкость и не впитается великая земная сила.

И лишь внук, достигнув зрелых лет, в последний раз доставал дедову кладь и выковывал куфский меч.

А еще государевы воины отличались тем, что носили черные одежды, как знак готовности к смерти, и волчьи островерхие шапки, которые так и назывались – скуфейчатые. Ломать их было не положено ни перед кем, даже перед вечевыми старцами и государем; снять головной убор с ратника можно было лишь вместе с головой. Чаще всего иноземцы сталкивались не с

сарамы, большую часть теплого времени кочующих в глубине степей, а со Скуфью, и потому именовали так весь народ и само государство. А когда их поправляли, говоря, мол, так зовется всего лишь войско, у народа же иное название – сары, то бессмысленные заморские гости, дабы выказать уважение и не ошибиться, достигали обратного, называя их сарскими скуфами, а еще хуже – саврами. Или вовсе царскими, ибо это было им понятнее.

У государя в то время не было Скуфи под рукой, ибо племенные князья, разжирев и не зря опасности, давно уже не приводили отроков на службу, говоря: мол, на что тебе, брат, дружина, коли мы торгуем со всем миром и нет у нас врагов? Дескать, чад мужского пола и так рождается мало, чтоб тебе отдавать. Кто же станет управлять родовыми землями, охранять табуны и стада, если мы всех здоровых паров сведем Урагану в потешное войско?

Они считали, что раз нет угрозы войны, то Скуфь служит лишь для потехи государя. В самом же деле эти сары потеряли не только совесть, но и стыд, который считался оберегом совести и был сущ, как брат и сестра.

Когда же Дарий перешел Горло Черемного моря, вся сарская земля всколыхнулась, но не от страха перед многочисленным вражьем войском и не от страстного желания встать на защиту отчины; персидский царь, прознавший о нынешних нравах саров, разослал во все стороны своих гонцов с вестью: мол, войско у меня пешее, конница совсем мала, воины едут верхом на ослах и мулах, и кто продаст мне лошадей, в земли того племени я не пойду. Торговать было выгоднее, чем воевать, и потому те сарские племена, что давно отделились и жили сами по себе, сказали: мол, нет нам дела до богатого Сарского государства, пусть защищаются, как хотят, а мы лучше продадим Дарию коней.

И стали спешно сгонять ему табуны, продавая даже племенных кобылиц, дабы опередить коренных саров. Те же, видя, как презренные окраинные племена, вчерашние наемники, готовые трудиться за малую плату, ныне отнимают у них жир – а Дарий платил щедро, не позрев грозившей им опасности, погнали свои табуны персам.

Ведь не зря же говорят, что человек или целый народ, не имевший либо утративший совесть, вместе с нею лишается не только стыда, но и разума, ибо одно без другого не суще.

И тогда Ураган воспользовался правом двенадцатиколенного бича, поскольку не зря всюду носил его с собой. Когда народ терял совесть и разум, становясь беззаконным, то, подобно безвольному рабу, не слышал слова и внимал лишь бичу. Взяв с собой верную городскую и степную стражу, присовокупив к ним подручных и паров своего рода, государь поскакал на перехват табунов, которые гнали в полуденную сторону навстречу Дарию.

Если бы его войско с ослов и мулов пересело в седла стремительных сарских коней, то не прошло б и двух месяцев, как персы очутились бы на берегах Азара. Добро, что безмудрые племенные князья, вздумавшие продать своих лошадей супостату, не могли ездить верхом и потому, возлежав в кибитках и носилках, двигались медленно.

И все же далеко ушли: Ураган настиг беззаконных уже на переправе сарской реки Дунави. И пригнали они на берег не мало – сто тысяч лошадей, да привезли еще столько же мечей, секир и топоров. А персы уже подошли с другой стороны и теперь вели торг. Видя столько многоценного и необходимого товара, Дарий не скупился, ибо знал, что потом вернет свой жир сторицей, когда завоюет сарскую землю, но утратившие совесть племенные князья и ярые мужи хотели получить больше и не уступали в своей цене.

Государь со своим малым войском отрезал беззаконных от реки, угнал в степь и там учинил расправу.

У саров не было обычая лишать жизни своих соплеменников, независимо от их провинности, ибо все они считались божьими внуками, и, поднявши руку на них, Ураган бы поднял ее на Таргу и Тарбиту, чем возмутил бы землю и небо. Всякий сар, сознающий себя родственником богов и осознавший тяжкую вину свою, сам покрывался черным покровом и творил под ним вено, рассекая запястье мечом и выпуская кровь.

Это был единственный способ спасти славу своего рода и собственную душу, отправив ее в подземные чертоги Тарги, если это была женщина, или в небесные к Тарбите, если мужчина.

Однако племенные князья, лишённые рассудка, не осознавали своей вины, а потерявшие совесть, стыд и с ними честь, будто рабы, выпав из своих носилок, ползали перед государем и молили его позволения продать коней и оружие персам. Де, мол, так и быть, мы заплатим тебе таможенную и торговую пошлины.

Позрев на них и послушав, Ураган понял, что эти вельможные сары чумны – так называли безумных, коих нельзя было покрывать смертной пополомой, а следовало помещать в черные шатры, называемые чумами, и содержать там, покуда не возвратится рассудок.

Беззаконные были ненаказуемыми!

Государь отнял лошадей и оружие для ополчения, самих же князей отправил под охраной в их земли с наказом посадить в чумы, а княжеских людей взял к себе в ополчение. Дарий услышал об этом и загоревал, что не будет у него теперь конницы, а на ослах сарские великие просторы не завоевать, и вздумал уйти в свои земли. Но, алчный, прежде захотел взять отступные с Урагана и вызвал его на переговоры. Поставил на берегу голосистого мужа, а сары на своей стороне глашатай и стали разговаривать.

– Не вступлю в твои пределы, если дашь мне по двадцать золотых монет на каждого воина, – сказал Дарий.

Сарская казна была богата, да и старейшины родов скорее бы дали откуп, чем давать людей в ополчение, и, пожалуй, собрать столько жира не составляло труда, но сары не привыкли откупаться от супостата либо платить ему дань.

– Мы сами берем с врагов своих! – ответил Ураган. – Нам легче воевать с тобой, чем изменить своим нравам и обычаям.

Дарий понял, что жиром с Сарского Владыки не получить, но все равно взять что-то надобно, и потому говорит:

– Отдай моих людей, которых вы прежде полонили и поработили! Добавь к ним столько же своих, и тогда я уйду.

В рабстве персы были, поскольку сары много лет владычествовали в их землях, однако пленники уже состарились и не желали возвращаться в родные земли, где ждала нищета. Здесь же хозяева докармливали их и заставляли исполнять малую сидячую работу.

– За пленниками пусть придут их родственники! – прокричал глашатай на другой берег. – А по нашему обычаю, своих людей мы не отдаем никому, ибо они вольные. Захотят, так пусть сами идут!

– Ты мне уже дважды отказал! – говорит на это Дарий. – Откажешь в третий раз, пойду войной и полоню всю твою страну!

– Отказываю, потому что требования твои претят нашим обычаям. Не могу я пойти против своего закона!

– Каков же твой закон?

– Совесть!

Дарий же не ведал подобного закона и долго совещался со своими подручными, пытаясь выяснить, в чем его суть. И когда сведущие люди растолковали, он и говорит:

– Добро! Мое третье требование не претит вашему обычаю. Слышал я, у тебя есть дочь, прекрасная Обава. Отдай мне в жены? Возьму ее и уйду с миром.

Все мог предвидеть Ураган, но только не это, и застонало отцовское сердце. Воевать с персами – войска нет и ополчение еще не собрано, да уж так повелось в Сарском государстве, что война и зима всегда некстати.

Дарий же почуял смятение государя и стал наседать.

– Я персидский царь, – объясняет он. – А цари по вашему обычаю сами берут невест и не ждут, когда девы их огласят по любви и согласию. Так что нужна только твоя воля.

– Не будет тебе моей воли, – шепотом промолвил Ураган, однако глашатай услышал и повторил громогласно:

– Не будет тебе моей воли!

А ветер принес с того берега:

– Тогда я сам возьму и жир твой, и людей своих, и твою дочь!

– Испытай счастье!

Сарский Владыка вздыбил бич над Дунавь-рекой и щелчком утвердил свое слово.

Обиженный Дарий стал строить переправу через реку, а Ураган скоро пошел по своим окраинным землям и начал созывать народ в ополчение. Без великой войны вот уже два поколения выросли, сары отвыкли от ратного дела, от доспехов и боевого порядка, но самое дурное, утратили любовь к оружию и все куфьи, заложенные в землю дедами, давно откопали, отковали мечи и продали их заморским купцам. А новые, что сами зарыли, еще не дозрели и сырые.

Мало того, привыкнув к жирной жизни, редко кто по своей воле вставал в ополчение. В прошлые времена первыми поднимались довольно пожившие сары, ибо знали, что в начале всякой войны велики потери, и жертвуя собой, они берегли своих молодых родственников, которым доставалось победное завершение и возвышенный дух. Ныне же сары старшего возраста затяжелели и для войны не годились, а которые помоложе еще не вкусили всех радостей вольготной богатой жизни и потому умирать от персидских мечей не желали и сами стали прятаться в степи да прятать своих паров и дев, поскольку они на равных с мужами шли в ополчение. Иные же ссылались на немоготу и болезни, иные норовили откупиться, предлагая взамен себя золото, коней и рабов. Но были и такие племенные князья, что без всяких хитростей и вовсе отказывали государю: мол, наши земли далеко от Казара, Дарий к нам не придет, так что же мы станем отдавать тебе своих сыновей, дочерей и внуков? Пусть дают те, кто на пути у персов окажется!

Ураган с ними не спорил, не призывал вспомнить законы Тарги и не наказывал в тот же час, вздумав проучить, дабы пробудить совесть. Кое-как собрав войско в семь раз меньшее, чем у персов, он встал на пути и стал ждать, когда те переправятся через Дунавь. Имея малую и несвычную рать, Сарский Владыка не сдержал бы натиска Дария, и тем паче, не победил бы его в открытом сражении, и потому, дождавшись супостата, начал отступать. Причем не в сторону Казара пошел, а по тем землям, князья которых отказали дать своих людей в ополчение. Жаждающий битвы, оскорбленный царь персов двинулся его следом, попутно разоряя все окрест и отнимая у беззащитных кочевых саров коней, скот и жир.

И тогда взвыли непокорные князья, теряя имение от коварства своего государя, однако не рассовестились, не пришли с повинной, не покрылись сами черным покровом, а, напротив, озлились, разгневались и стали проситься на службу к персам, покрывая неслыханным позором своих дедов и обрекая на него своих внуков. Ведь с потерей совести и стыда теряется не только разум, но и вся прежняя и грядущая слава всего рода на семь поколений назад и вперед.

Дарий же не брал изменников, говоря: мол, вы предали своего царя, предадите потом и меня. Дескать, мне довольно ваших коней и провианта, а вы идите куда хотите. И так, творя из князей и ярых мужей изгоев, он шел по следу Сарского Владыки и никак не мог его настигнуть, чтобы сразиться, ибо не имел достаточно лошадей, а ослы и мулы не поспевали. Тем более персы часто останавливались, дабы восполнить запасы, и тогда по ночам сарские конницы совершали дерзкие налеты на станы супостата. Еще ни разу не позрев на врага, не сразившись с ним, Дарий нес потери и все более наполнялся ненавистью к этой земле и народу, которого было трудно найти на великих степных просторах.

Тем временем молва уже прокатилась по всем землям, сары знали, из-за чего сотворилось это вторжение, и называли его не войной, а сватовством Обава, поскольку-де персы идут, чтоб добыть своему царю невесту. Более всего Ураган опасался, чтобы эта молва не докатилась до

ушей дочери, бывшей на учении у ягини в глухих лесах на реке Божьи Чары. Своенравная и еще юная Обава, вскормленная по законам совести, не сдержит порыва, восплает страстью сразиться с Дарием и встанет в ополчение.

Однако опасался государь не ее гибели на бранном поле, ибо подобная смерть достойна и принесла бы лишь славу – иное тревожило Урагана: прознав, что Обава в сарском войске, персы, улучив подходящее место, непременно навяжут открытую битву.

И тогда в любом случае грядет поражение: или Дарий полонит дочь, и таким образом сострунит Урагана, как струнят, обездвигивая, волка, или разобьет малочисленное ополчение, и тогда вся сарская земля, все пути к Казару останутся без какого-либо прикрытия.

Пока же государь водил за собой персов, все глубже вовлекая их в недра сарских степей, зимним городам и весям на побережьях морей ничто не угрожало, а разрушать на кочевых путях ему было нечего, кроме скотьих загонов.

Не того опасался государь, молва не достигла слуха Обавы, но князья и ярые мужи, земли коих были позорены и разграблены персами, затаили на Урагана смертельную обиду, и поскольку волей Дария сделались изгоями, то сами вздумали отомстить, но не царю персов, а Сарскому Владыке.

Ведь утративший стыд и совесть, ставший от того безумным, человек не только покрывает позором своих предков и потомков, но еще всецело отдается во власть обиды и мести. Назвав тяжкую, мучительную войну сватовством, беззаконные замыслили отыскать Обаву и отдать ее в руки Дарию, попрося вернуть взамен разграбленное имение. Собравши своих людей, они начали рыскать по государеву кочевому пути, полагая, что Ураган там спрятал дочь.

Ездили они долго и если ловили пастухов либо стражников, таких же, как они, изгоев, то пытали их, раскалив на огне стремя и прикладывая его к челу.

И таким образом заклеямили всех, кто встретился им на пути, но ничего не вывели, ибо, кроме самого государя и подручного Свира, отыскивавшего ягиню, никто не знал, где Обава. Тогда бессовестные поехали к младшему брату Коченю, который оставался в Казаре, и ему наложили на чело раскаленное стремя. А ничего не добившись, учинили разбой в оставшемся без стражи стольном граде, после чего отыскивали старого ведуна-кастрата, однако пытаться его не стали. Исхитрились и явились к нему под личиной государевых гонцов.

– Нас Ураган послал, – сказали ему. – Велел нам дочь его отыскать, Обаву, да к нему доставить. А мы, слепые, ездим вокруг и никак не найдем. Ты ведь ясновидящий, так укажи, где она? Не то нам хоть под черную пополому садись.

И положили перед ним горсть жира.

Ведун как увидел золото, так и не узрел, кто перед ним. А может, и узрел, да искусился: ведь не для потехи говорят, что кастраты родину не защищают.

Стал женоподобный гадать по птицам перелетным, на чечевичном зерне, на воде и огне – не может узреть, куда Ураган спрятал Обаву. Но жир возвращать не пожелал и велел беззаконным принести гада ползучего. Те вышли в степь, поймали, а ведун зажал ему голову меж своих перстов и стал от хвоста отрезать кусочки да спрашивать, где скрывается Обава. Гад шипит, скворчит, извивается, на изгоев отчего-то страх напал, чуть только не убежали, забывши о своем жире.

Когда от гада половина осталась, гадателю и открылось место.

– На реке Божьи Чары сидит государева дочь. Идите туда и берите!

Беззаконные схватили женоподобного и тем ножом, коим он гада пытал, разрезали пополам, чтоб никому не сказал, зачем изгой к нему приходили.

И жир себе взяли.

Ураган ничего этого не знал, водя персов по степи, но почуял неладное и, хотя каждый воин был на счету, послал Свира к Обаве, чтоб тот оборонял ее и никуда из лесов не выпускал.

Сам же еще дальше повлек за собой Дария с войском, умучивая его и каждую ночь дергая перья набегам, словно из птицы.

Персы зашли так далеко, что уже и не знают, как обратно выбраться, и идут следом за сарами не победы над ними для, а чтобы вовсе не потеряться на великих пустынных просторах. Государь велел ополченческим племенам и родам впереди себя идти и гнать широкой лавиной табуны и скот, дабы они выбивали и выедали всю траву и чтоб коням да ослам неприятеля оставалась одна черная, пыльная земля.

А однажды Ураган сказал своим подручным:

– Дарий сказал, что идет взять мою дочь себе в жены. А я хочу взять его дочь себе в наложницы. Кто добудет мне персидскую царевну, тот будет первым ярым мужем.

Подручные взяли своих людей и стали выслеживать кибитки, в которых ездили жены, наложницы и дочери персидского царя. Сродник государя, Важдай, тогда еще был сотником, однако отважным и ретивым. Долго он ездил вокруг супостата со своей сотней, лишней раз не трогая его, и высмотрел кибитку красной кожи, в которой, как говорили пленники, ездит царевна. Потом улучил ночной час, захватил да и пригнал на свой стан.

Дарий же все мыслил сразиться с сарами, и его глашатаи, когда был случай, кричали Урагану:

– Перестань убегать от нас! Давай сойдемся в чистом поле и позрим, чья возьмет!

Заполучив царевну в наложницы, государь стал ему отвечать:

– На что мне сражаться с тобой? Лучше я позабавлюсь с твоей ласковой дочерью!

Она и в самом деле была прекрасна и ласкова с Ураганом.

Дарий же от таких слов приходил в невиданный гнев, казнил своих воевод и подручных или гнал войско на верную смерть, забывая, что воевать след с хладным разумом и великим спокойствием.

Пуще всего он опасался темных и холодных ночей и посему велел зажигать костры. Урагану же у себя дома нечего было бояться, он огнями себя не выказывал и очередной ночью заходил с тыльной стороны, скрываясь в темноте, рвал в клочья и так скудные обозы персов, осыпал стрелами уставших воинов, ясно видимых в свете костров, и уходил незримым.

И наводил тем самым великий ужас, а страшиться-то было чего. Персы уже не успевали хоронить своих убитых, бросая их в степи, и за ними увязались все хортьи стаи. Они двигались на поприще позади и не трогали саров, пропуская их к вражеским станам, ибо, дошлые, знали, что после каждого набега будет чем поживиться. И от этого супостату казалось, будто не люди нападают на него по ночам, а выученные стрелять из луков звери, ибо, отскочивши от костров в непроглядную степь, зрели только оскаленные волчьи пасти. Отсюда и пошла молва на весь мир, будто сары – весь народ-оборотень, и еще неизвестно, в каком образе они больше пребывают, в зверином ли, в человеческом ли...

Ко всему прочему, причастный Ураган однажды воззвал к богам и попросил сверзнуть с небесных гор зимний студень. Тарбита услышала его, наслала пыльные ветры, которые выдули тепло из степи, и опустился на землю горный недвижный хлад. У персов не было зимних одежд, а доспехи настывали и выхолаживали тела, делая супостата неспособным сопротивляться. Но если они сбрасывали с себя кольчуги и латы, то становились уязвимыми для стрел и гибли сотнями.

И более всего не выдерживали студня ослы и мулы, сдыхая тысячами, а поскольку запасы персов давно истощились, то воины поедали пропастину и страдали от поноса либо умирали, поскольку мясо их для человека ядовито.

Хортьи стаи же, позрев, что люди отнимают у них добычу, начали сами нападать на супостата, отчего разразилась редкая в степи война людей и зверей, усмирить которую могла бы только Обава.

Она же, будучи в лесах у ягини, не ведала, что сотворилось в сарской земле, ибо учение считалось великим таинством, проходило вдалеке от прочего мира и с ним никак не сообщалось. Но всякий раз, когда старица выводила ее ночью, чтоб слушать звезды или внимать лунным чарам, Обава чуяла тревогу, однако не могла просить ягиню погадать на воде и позреть отца, дабы не искушаться миром.

Днем же то над головою ворон закружит, то вдалеке собака залает, то малая птица постучит в окно.

Сведущая ягиня говорила: мол, все это – соблазны и искушения мира, которые ей след преодолеть, дабы стать достойной женой будущему мужу и матерью потомства.

Она, должно быть, тоже что-то почуяла, поскольку однажды вынула из сундука не разрыв-траву, не зелье и снадобье, а чудно изогнутый, невиданный костяной лук и колчан со стрелами. Обаве же был строгий наказ: покуда в учении, к оружию не прикасаться, ибо все, что несет гибель, не совместимо с чарованием и добро скоро может обратиться в зло.

– Хочу теперь научить тебя стрелы пускать, – сказала старица.

– Умею я стрелять, – ответила Обава, полагая, что это искушение. – Нелепо мне смерти ныне сеять. Чары метать более по нраву.

– Жене, что она ни сотворит, все лепо. А пойдем-ка на охоту! Глядишь, и дичь подстрелим какую-нито.

Еще от ягининых хором отойти не успели, как она понюхала воздух, держа нос по ветру, затем натянула лук, прицелилась и выстрелила в крону дуба, стоящего на расстоянии поприща.

И вдруг оттуда свалилось что-то! Подбегают они, а это человек сверзся – стрела ему в глаз угодила!

– Не отвыкла еще рука, – заметила старица. – И око зрит добро. Да ведь всего-то другая сотня лет пошла, не скоро утолчешь.

Подивилась сему Обава и спрашивает:

– Где же ты, баба, так стрелять научилась?

– Добрая из тебя жена получится, – похвалила ведунья. – Если б напугалась да спросила, кто это, недостало бы толку. Сейчас и тебя так же стрелять научу.

И вручила лук.

Взявши его в руки, дева вмиг забыла всяческие ее наставления и ощутила воинственность.

– Чуешь ли супостата? – Ягиня принялась.

Обава потянула носом воздух, и почудилось, будто наносит ветерок запах конского пота. Сказала старице об этом, а она и говорит:

– Это в двух верстах отсюда чужие лошади на привязи стоят. Нюхай еще!

Дева покружилась по лесу, испытывая его запахи, и вдруг уловила дух, от коего отвыкла уже – так воняло от парфян, рабов и даже от некоторых саров.

– А вот это уже иным духом пахнет! – одобрила ягиня. – Стреляй в него – не промахнешься.

Заложив стрелу, Обава верное вынюхала место, откуда дух сей наносит, да выстрелила. И сверзся с дерева еще один муж! Стрела ему в грудь попала, так еще жив был и все к государевой дочери руки тянул, будто схватить хотел, и сказать что-то пытался.

– Кто же эти люди? – наконец спросила дева.

– Изгой. По запаху ведомо.

– Что же они здесь по деревьям расселись, словно вороны?

– Добычу высматривают, – говорит ягиня. – Да ведь того не ведают, что я их еще вчера за версту почуяла. И ждала, когда приблизятся, чтоб далеко самой не ходить.

– Мне мыслилось, ты и оружия в руках не держала, коли ведунья!

Старица между делом все носом водила и вдруг опять говорит:

– Туда стреляй! Там еще один затаился.

Обава понюхала да пустила стрелу. Глядь, и верно – третий с дуба пал, сраженный в ухо.

– Какого оружия только не бывало в моих руках! – призналась старица. – Ведь я из племени матери.

Обошли они лесом ведуньины хоромы и еще двух изгоев сбили наземь.

– Ну, более не чую, – сказала ягиня. – Должно быть, все тут.

Но Обава еще раз испытала запахи леса и уловила еще один, от коего даже голова вскружилась. А старица похвалила:

– Добрый у тебя нюх. Только это достойный муж скачет. Я их аж за три версты чую.

И верно, скоро прискакал подручный государя, Свир, спешился и к Обаве, а ягиня на него руками замахала, загрозила:

– И близко не подходи! Нельзя нам с миром сношаться! Собери вон лихих изгоев, брось волкам на съеденье и убирайся прочь!

Свир исполнил ягинино повеление да и уехал восвояси.

Поскольку Ураган ведал все ходы и броды, то шел легко, а Дарий переправы наводил, плутал, коли в пыльную бурю со следа сбивался, и потому всегда позади оказывался. Однажды узрели они друг друга, будучи по разным берегам реки, царь и кричит ему:

– Довольно бегать, сразись со мной! Ведь я должен отомстить тебе за свою опороченную дочь!

Ураган хотел ответить ему как обычно, но видит, что от огромного войска у Дария осталось всего тысяч двести против сарских сто, и говорит:

– Добро, строй свои порядки, а я сейчас свои приведу.

Персы обрадовались, что состоится сражение, а то ведь они еще не воевали в сарских землях и только ходили по неведомым степям, то в пыли, ибо тащились за сарами, то в дождь и по невиданной грязи, отчего оружие и доспехи поржавели.

Объялись они ратным духом, выстроились и стали ждать неприятеля.

А сары перешли реку по броду и едут к порядкам персов вольно, без всякого строя. Впереди у них, по обыкновению, должны бы лучники стоять, за ними конные копейщики с четырехсаженными копьями, на которые они нанизывали неприятеля, словно бусины на нить. Тут же ударная эта сила назади оказалась; во главе откуда-то взялись засапожники, обычно вступающие в битву после лучников, копейщиков и меченосцев, когда уже не осыпать стрелами, не таранить и не рубить след, а резать супостата, словно баранов в загоне.

И вот эти разбитные сары, вооруженные лишь ножами и наручами, веселые и бесшабашные, ибо прежде битвы испили братину хмельной суры на брата – без этого им нельзя было воевать, они в чужой и своей крови плавали; на вид потешные эти ратники выставились прежде всего ополчения и давай зайца ловить, коего из травы выпугнули. Заяц верткий, скок-поскок, а они за ним, да стараясь живьем взять, животами на него. Остальным же воинам забава, давай свистеть да улюлюкать – про супостата забыли!

Супостат же позрел на нрав сего народа и устрасился, ибо, по его разумению, на грани смерти своей след к богам взывать, а веселиться так могли только бессмертные. Персы сначала попятились, затем развернулись, смешали строй и побежали прочь, так и не приняв сражения. А сары поймали наконец-то зайца, и глядь, а нет уже неприятеля! Стали догонять его, однако Дарий бежал так быстро, что кони под ополчением притомились.

Покуда супостат блудил по кочевым путям, гречане слышали, что Дарий разбит и обратно бежит, тоже ужаснулись и, чтоб не ссориться с сарами, мост разрушили. Когда же персы наконец-то отыскивали свою переправу, настрашали гречан, и те опять выстроили мост. Такие уж они были, но речь не о них, и даже супостат уже мало заботил Сарского Владыку. Иная беда открылась перед Ураганом, которую не ведали прежние государи и которая была

хуже вторжения персов: земля разделилась. Одни, кто не дал воинов в ополчение и пострадал от Дария, утратив имение, винили во всем Урагана и называли войну сватовством Обавы. Другие же, не испытывавшие лиха, теперь ликовали, всячески превозносили и славили государя, что он с малыми силами победил великое нашествие и теперь на долгие годы избавил государство от посягательств.

Война не приблизила саров к законам Тарги, а, напротив, отдалила их от верных старых обычаев. В прошлые времена, когда табуны, стада и прочее имение было общим, такого бы не случилось, избежавшие разора по совести поделились бы с пострадавшими, и все земли в мгновение ока поднялись бы и оправились от опустошения. Но сейчас первые обвиняли вторых, те первых, однако не давали им ни скота, ни жира, ни колес, которые когда-то ходили на кочевых путях вместо монет.

Прогнав умученного Дария, Ураган отправился в путешествия по землям, но не вкушения славы для, а чтобы примирить обе половины народа. Однако лишь усугубил это разделение, ибо свести в один народ бедных и богатых оказалось невозможно, а редкие мудрецы, что еще встречались на пути, сетовали, что государь напрасно оказал сопротивление персам. Следовало бы впустить Дария в страну, и пусть бы он разграбил и разрушил ее всю, поскольку-де Ураган не позрел в нашествии бич божий.

И государь соглашался с ними, зная, что совесть в человеке скорее всего пробуждается на пожарище, где огонь очистил землю и люди, позрев на это ее первозданное состояние, готовы обняться друг с другом.

Соглашался, однако от таких мыслей ему хотелось бросить свой государев бич и удалиться на свою землю в недрах степей, которую он способен от восхода до заката обскákat на коне...

3

Мыслил Ураган, что нашествие персов и горе войны вразумят саров, но они после победы только возгордились и вовсе забыли о стыде и совести, похваляясь: мол, довольно в нашей земле могущества, коли мы Дария с его огромным войском разгромили. Знать, по правде живем, если боги к нам благосклонны, так что и впредь станем жить, как ныне. И напрасно было говорить им, что персов не победили, а умучили, водя по незримым сарским просторам, что не силой народа и духом одолели – хитростью, бегая от сражения, как зайцы. Оправятся персы и вновь придут, но уж тогда не станут за нами гоняться по степям – захватят побережья морей и устья рек и повяжут тем самым все кочевые пути.

Не внимали!

И вот, отчаявшись вразумить своих соотечественников жить по законам совести, видя, как угасает вольный народ и предчувствуя скорую войну, государь свершил то, от чего уже отвыкли пребывающие в неге, малодетные сары – взял с них воинский оброк! Да не жиром и дорогими скакунами, чем теперь платили, а как испокон веков было заведено, по одному мужающему отроку от рода.

В ополчение годились и стар, и млад, невзирая на пол, и собирать его было легче, ибо делали это старейшины родов, отдавая воинов племенным князьям, а те уже под своим предводительством ставили в один общий государев строй. Тут же было след отобрать способных к воинскому ремеслу совсем юных отроков, коих называли парами, и навсегда отнять из-под воли родителей, рода и племени.

Паров давно уже не отдавали под полную власть государя, потому вскоре после путешествия по землям Ураган поехал по кочевым путям, выслушивая ропот, а то и угрозы князей и старейшин, не желающих жертвовать порой единственными сыновьями. Если не отдавали, щелкал бичом над головами, выражая свой гнев, и, если это не помогало, бывало, силой отнимал и уводил с собой под проклятья и слезы родителей. Конечно, были и такие пары, что сами просились в Скуфь, особенно те, кто ходил на Дария с ополчением, но суть состояла в том, что дружина собиралась из отроков одного возраста и опыта, дабы никто не выделялся и все воинство было как единый, могучий витязь.

Обиженные на правду ярые мужи пожаловались вечевым старцам и потребовали, чтоб те либо умилили ярый пыл государя, либо вовсе совершили укрощение, то есть заключили в каменную вежу и дали ему невесту, чтоб продлил род.

После этого вечевой предводитель, именем Валуи, явился к государю с упреком и речь завел: дескать, ведомо мне, замыслил Скуфь возродить, дабы по старым законам жить. Да ведь напрасно это, все равно не собрать столько отроков и сотворить из них витязей, сколько прежде собирали. И, мол, на что тебе малого числа войско? Чтоб гордыню свою побаловать, мятущийся дух утешить? Для иного-то дела такая Скуфь не годится.

Власть государя во все времена стояла под тяглом веча, старцы неспособны были лишить его Владычества, но могли и более строгий спрос учинить, да и вовсе лишить свободы, поэтому Ураган не решился скрывать своих устремлений.

– Не воевать я намерен, собирая Скуфь, – признался он. – А сбереечь дух и волю истинных саров, покуда они еще сущи. По угольку возьму от родовых костров, по малой искре и вздую пламя совести.

– Да где же ты узрел искры, коли повсюду пепел? – загоревал Валуи. – Угасли сарские костры, а светится лишь хладный желтый жир...

– Отыщу, коль не будете струнить меня, как волка.

Ничего в ответ не сказал предводитель, взял свой рогатый посох и удалился восвояси.

Однако никто более не чинил препятствий, и Ураган от края до края сарские земли прошел, слыша вослед проклятия разгневанных родителей. А отрокам много испытаний устроил и кое-как собрал всего-то три тысячи юношей, по нынешнему числу родов, не так изнеженных под родительской опекой, еще не утративших подвижность крови, способных натянуть сарский лук и сносно сидящих в седле.

Собрал, обрядил в скуфейчатые шапки и велел парам проститься с родней навсегда, ибо по закону судьба и жизнь избранных в Скуфь теперь принадлежала государю и он мог делать с ними все, что пожелает. Воеводой он поставил своего сродника, первого ярого мужа Важдая, добывшего ему персидскую царевну в наложницы, и отправил в полуденную сторону, к горячим пескам, откуда каждый год являлось полчище конокрадов.

Ураган знал, что половина этой юной стражи потеряет скуфейчатые шапки, поскольку отцы паров, отвыкшие от воинского ремесла, как следует не обучили их ратному делу.

А коли так, то пусть дикие кочевники научат своими мечами и копьями – только они могли отделить ржу от железа.

Но вышло еще хуже – не куфья получалась, а одна ржавчина. Семь месяцев водил паров Важдай по воровским тропам, коими ходили пустынные, держал в засадах, а то и бросал отроков на перехват неприятельской конницы, вдвое превосходящей числом.

Конокрады были трусливыми да и привыкли, что наемные сакалы в бой с ними не вступали, а чаще сговаривались, поэтому пары в схватках с ними сходились редко, когда уж тем бежать некуда. И все равно за это время треть отроков полегла в песчаные курганы: менее от мечей и стрел вражеских, а больше от неведомого прежде ржавого густокровия, которое делало мужчин сырыми, слабыми, непригодными к тягестям походного житья. А тут привыкшие к сытости под родительским кровом пары вкушали только кобылье молоко, да и то не каждый день.

Но оставшиеся в живых уже почуяли свою силу, привыкли к оружию, вкусили хмель ристалища и ехали веселыми по унылой осенней степи. Не паров бы – мужей привел назад воевода, но сакалы обиделись и, когда сары возвращалась назад, напали внезапно из глубокой балки, и вот тут-то началась настоящая сеча.

Бывшая наемная стража не воровством промышляла, а разбоем, потому с поля брани не бегала и стояла насмерть. Да и видя раздобревших саров, полагала, что их юные упитанные отпрыски не выстоят против диких кочевников и будет знатный пир у сакалов: они единственные в степи не брезговали человечиною, поедая убитых и плененных. Часто они выезжали из своих таилищ поближе к кочевому пути, дабы красть не только лошадей, но и тучных жирных саров, и, бывало, даже устраивали загонную охоту, отбивая от кочевья целый род.

С утра и до утра лязгали мечи и свистели стрелы, кони, испытывая великую жажду, хватали влажную от крови землю, но ничем не растащить было, не разделить и не развязать клубок людей и лошадей, катающийся по ристалищу.

А на рассвете, когда сарские отроки докололи копьями раненых супостатов да подняли своих уязвленных соратников, Важдай велел насыпать курган над отлетевшей ржавчиной и привел, что осталось, своему государю.

Ураган же вышел из своего шатра вместе с повзрослевшей дочерью Обавой, советчицей и утешительницей, и как увидел ее ярый муж, так сразу и покой потерял. Однако дева на него даже не взглянула, как и было заведено по законам целомудрия, а у саров по обычаю выбор жениха совершала невеста, и только государь владел правом самому выбирать жену.

Воевода духом не пал, а стал нахваливать Скуфь перед государем, дабы его дочь на него взглянула.

Едва тысяча всадников набиралась, однако перед Ураганом стояла пусть еще не истинная Скуфь, но уже не пары, а мужи взматеревшие. Да нечем особенно гордиться было: во второй раз

проведи это железо сквозь огонь да раскатай молотом, не сковать меча – хоть бы на засапожный ножик хватило...

И уж более не присовокупить к ним новых паров: не дадут сыновей ни разгневанные князья, ни ворчливые старейшины, которые вовсе грозятся разойтись по степи в разные стороны или государя свободы лишить, чтоб не отнимал чад.

Однако следующей весной, как только сары ушли в кочевье, Ураган отправил Скуфь не порубежья стеречь, а зорить и грабить гречанские городки вдоль Черемного моря.

Дабы беспечно торговать с заморскими гостями и не искать каждый год, кому бы продать свой товар, многие племенные князья стали позволять заморским купцам строить причалы и жилища на своих землях. И не минуло столетия, как вдоль морских берегов и в устьях рек возникли гречанские поселения, которые вскоре обратились в укрепленные города, не подвластные ни самим хозяевам земли, ни сарскому государю. Князья и рады были бы избавиться от утвердившихся здесь гостей, ибо они уже не подпускали саров к морю и сами стали называть цену на торгах, однако те чуяли слабость некогда могучего государства и грозили тем, что пропустят в бухты и устья рек военные корабли ромеев или, хуже того, персов, когда те придут, чтоб отомстить за поражение.

Или вовсе построят Дарию новый мост, который сары спалили вскоре после войны.

Дабы унизить саров и всю их страну, гречане называли ее скотым полем, а народ – кочевниками, разнося по всем землям небылицы о диких нравах и волчьих повадках.

Поскольку же самонадеянные гречане всякий страх потеряли, то держали только городскую стражу, а свои полки отправляли в походы за рабами, покоря варварские народы – у них промысел был такой.

Вот Скуфская конница и напомнила им о соседстве: дождалась, когда уйдут гречанские рати, и в три месяца прошла вдоль побережья, многие селения и города позорила, а иные, где сопротивление оказывали, и вовсе разрушила. Гречане же прослышали о набеге, повернули назад и заступили Скуфи единственный путь, по которому она могла уйти в свои пределы.

Важдай не велел брать добычи, все, что горит, приказал огню жертвовать, а жир – земле или морю, но мужалые отроки, упоенные легкой победой, ослушались.

– Мы государю служим, а знать, лишены наследства своих родов, – сказали они. – Потому не пристало нам добро и жир бросать. По закону Тарги, Скуфь с походной добычи живет. Как вернемся мы домой, чем кормиться станем? К тому же нам невест искать пора и свататься. Какие дары понесем родителям дев, коли наш жир в землю уйдет?

– Ну, раз вам уже известны законы, я вам более не вождь, – послушав свою рать, сказал ярый муж. – Идите вперед сами, а я сзади пойду.

Сары возвращались с разбоя неторопко и с частыми остановками из-за тяжелого обоза в сотни телег, который растянулся на несколько поприщ; не ведали они, что поджидают их в узкой горной теснине, а из-за легкости добычи ничего уже не опасались, дорогу не разведали и ехали только в легких кольчужках.

Гречане же спешили и пустили впереди себя табун лошадей, которые внезапно смяли передние ряды, а перепуганные обозные кони взяли в галоп и ударили по задним; телеги полезли друг на друга, посыпались наземь жир и добро, в мгновение ока образовав затор. И стало Скуфи ни вперед, ни назад, а только вверх, на отвесные стены.

С гор же и склонов в единый миг обрушилась туча коротких гречанских стрел, жалящих и сквозь кольчугу.

Не вся еще ржавчина вышла из железа и тут брызнула щедро, потекла, обогривая землю, ибо еще не избавилась Скуфь от густокровия.

Сары то и сумели, что спешили да за товарищей своих и коней убитых попрятались.

И закричали:

– Важдай, прости нас, брат! Не дай пропасть! Скажи, что нам делать?

– Сражаться! – ответил воевода.

– Да как сражаться, если на ноги не встать? А доспехи и щиты в обозе?

– Вспомните закон Тарги и встаньте!

Два или три храбреца вскочили с земли и тут же рухнули, щетинистые от стрел, пробивающих легкую кольчугу, ибо не умели еще отводить глаза стрелков и сами стрелы.

Здесь уж взмолились недоученные отроки:

– Спаси нас, Важдай!

– Выведи из теснины!

– До смерти будем твоими истинными братьями!

– И жира в руки никогда не возьмем!

Тогда ярый муж сбросил с себя доспехи, обнажился до пояса и с одним мечом пошел открыто. Тут и замерла Скуфь: гречане стреляют в него, а стрелы отскакивают или падают под ноги, словно кланяются!

– Разбойными законами вы овладели добро, – сказал воевода, открыто гуляя по теснине. – Теперь след поучиться на смерть ходить. На что вы надели скуфейки да черные одежды? Снимайте кольчуги да идите за мной!

Тут и родилась истинная Скуфь, но только из тех, кто осмелился обнажиться, встать и с одним мечом пойти на неприятеля.

Гречане, в последний век не ведающие сарской Скуфи, забыли уже о ее тайном воинском ремесле и теперь, позрев на обнаженных и неуязвимых отроков, бросили оружие, побежали, объятые ужасом, и многие из них полегли. Да не от мечей больше, а от кровоточивости сердца, которая случается у трусов на бранном поле.

А те сары, что остались лежать под мертвыми конями, не пострадали от кровоточивости, но дождались ночи, тихо выбрались из теснины, бросили наземь скуфейчатые шапки и прикнули к парфам-изгоям, ибо не было им теперь хода в свою землю.

Из трех тысяч отроков в Скуфи осталось всего лишь пять сотен ратников, кто овладел воинскими законами Тарги и в лихой час обрел его покровительство. Отныне стали они называться витязями, что на сарском языке означало – не щадящий своей жизни, когда сама суть живота ставится на последнее место и на первое победа. Овладевшие всеми ратными таинствами и прямым покровом бога земного огня, витязи могли сражаться пешими и конными, с оружием и без, живыми и мертвыми. Лишь силою своего духа они умели закрывать страшные рубленые раны, останавливать кровь и возбуждать в мертвом теле жизнь, но лишь до той поры, пока не рухнет наземь последний супостат, ибо ранее этого совесть не позволяла им умирать и оставлять своих товарищей.

В далекие времена Сарский Владыка Аркан умудрился собрать Скуфь числом в сто тысяч. И прошел с нею до Красного моря и обратно, а мог бы и весь мир пройти, да не было в том нужды. Позже государи держали при себе дружины не более десяти тысяч, однако и при таком числе никто не смел покушаться на сарские земли и жир.

И вот в сей час перед Ураганом стояло всего пять сот витязей – все, что могла родить хоть и жирная, да оскудевшая на храбрость сарская земля...

В былые времена одной только государевой охраны было такое количество, однако Ураган не держал стражи возле себя и не хотел оставлять воинов при дворе.

– Доволен ли ты, государь? – спросил его Важдай.

– Ныне приходится довольствоваться малым, – вздохнул Ураган, скрывая гордость. – И радоваться синице в руке. Проси, чем одарить тебя? Иноходца возьмешь из моего табуна или шапку турью?

По новым обычаям, что завелись у саров, можно было не ждать, когда невеста соизволит очи поднять на тебя, а одарив отца жиром, попросить деву в жены.

Поэтому ярый муж вдохновился и сказал:

– Коли доволен, отдай Обаву в жены!

Ураган стал печален и строг.

– Я возродил Скуфь, дабы вернуть сарам закон совести. А ты посмел просить у меня дочь, как ныне повелось? И делать выбор, словно ты государь?.. Нет, Важдай, не получишь Обаву, коли она сама тебя не пожелает взять.

И после этого спрятал ее в кибитке и не велел Обаве показываться на глаза ярому мужу, дабы не подвигнуть того на воровство возлюбленной и на судьбу вечных изгоев.

Дочь, вскормленная по закону целомудрия, тогда и слова не обронила, молча исполнила волю отца, однако стала задумчивой и неподвижной, словно оторопь взяла, и, если Ураган говорил ей что-либо, не отвечала и не поднимала очей. Он уж начал думать, не девичья ли это тоска по ярому мужу, способная довести до смерти? И впрямь, не отдать ли ее за Важдая? Коли не сыскать государю невесты и не жениться в другой раз, пусть Обава родит достойного наследника, коего не ярый муж, а он, Ураган, вскормит, напичкает государевым достоинством и таинством части, и коему по чести будет властвовать в сарских необъятных землях.

Когда же птица Сирин пропела прощальную песнь и вернулась в клетку Тарбиты, а сары откочевали в теплую степь и переселились из шатров и кибиток в просторные дворцовые палаты, занятый государственными хлопотами Ураган не заходил на женскую половину и потому вовсе перестал видеть Обаву. Но однажды пошел к ней за советом и застал дочь преображенной – веселой и стремительной, каковой бывала всегда, да еще и наряженной в дорогой, цвета утреннего неба, плащ, под которым угадывался тугой и стройный девичий стан.

В палатах ярко пылал трубный очаг, и огонь словно напичкивал ее яблочной хрусткой спелостью.

Ураган залюбовался невольно и уж готов был уступить своему нраву да сказать: мол, тому и быть, возьми ярого мужа, нет тебе лучше пары во всем государстве!

Но не успел и рта раскрыть.

– Не пойду за Важдай, – упредила чуткая Обава. – Не позволю тебе переступить через свои старания и гордость.

Ураган вздохнул облегченно:

– Благодарю тебя. Иного и не желал услышать... Но тебе следует совершить оглас, как велит наш обычай.

– Прежде тебе бы след огласить невесту, Ураган, – заметила Обава. – Твой роковой срок ныне заканчивается.

– Какой роковой срок? – изумился государь.

– Определенный старцами. Ныне третий год пошел... Ждут тебя каменная вежа и невеста, названная вечевыми.

Ураган рассмеялся.

– Не боюсь я старцев! А вся надежда на тебя, Обава! Ты меня спасешь и от заточения, и от девы, мне назначенной. Сделай же выбор!

Она помедлила и взглянула открыто и доверчиво.

– Я сделала выбор, Ураган.

Старшим дочерям по ветхому обычаю полагалось называть отца по имени, тем самым делая их равными.

– Добро! – обрадовался государь. – Так надобно немедля свершить вено!

– Отчего ты так спешишь? – Дочь улыбнулась и словно пардус мягко приблизилась к огню. – Или я тебе в тягость? Не желаешь меня видеть? Хочешь, чтобы скорее покинула родительский кров?

– Не хочу, Обава. – Ураган прижал ее увитую косами голову к груди. – Ты ласкаешь мой взор, ибо напоминаешь свою мать и мою жену. Без тебя мне станет одиноко...

Дочь подняла на него очи, и Ураган тотчас отшатнулся. Должно быть, ягиня лепо обучила ее чарованию – будто две стрелы скользнули из глаз Обавы и кольнули сердце, вдруг налившиеся томным теплом. Однажды подобное уже случалось, когда после войны с Дарием и возвращения дочери из лесов они поехали на соколиную охоту. У Обавы была соколица, а у него – сокол, и когда пустили они их на стаю казарок, то птицы не стали избивать гусей, а полетели рядышком и затеяли любовную игру, поскольку была весна. Дочь позрела на это и вдруг воззрилась на отца так, что ощутил он постыдный огонь в груди и, дабы скрыть его, усккал прочь.

Нет, не зря по обычаю предков отправляли дочерей к ягиням, не зря давали право огласа девам, способным одним лишь взором вызвать у избранника любовь и согласие.

Сейчас же Ураган не ушел, а лишь отвернулся и вместе с долгим вздохом выметнул из себя дочерние чары.

– Зрю, ты чем-то озабочен? – спросила Обава. – И куда-то спешишь?

– Моя забота известна, – в сторону проговорил он. – Давно чую дух недалекой войны, а сына нет у меня...

– Ты еще молод и полон сил!

– Да ведь чтобы вскормить наследника, потребуется время и молодая удаль. А старец хоть и научит мудрости, да не выкует настоящего куфского меча.

– Я рожу тебе наследника!

– На это и уповаю, Обава! – совсем успокоился Ураган. – Так веди сюда избранника и творите вено! А я сяду сторожить брачную светелку.

– Ты прежде спроси, кто он, избранник.

– Полагаюсь на твою волю и чутье.

Дочь подняла голову и теперь взглянула пристально, словно испытывая его выдержку.

– А если не по нраву будет тебе мой оглас? – медленно проговорила она. – Если ты проклянешь меня? И прогонишь? Если отречешься на вечные времена от меня и потомков моих?

Ее исполненные внутреннего огня слова на миг снова встревожили Урагана, да, отягощенный своими думами о наследнике, он стряхнул сомнения: всяко уж не разбойного сакала избрала дочь, не безвольного раба, не изгоя-парфянина или бродягу безродного.

Если зятем станет простолюдин из неименитого сарского рода, так это еще лучше – освежится кровь!

– Не отрекись, – заверил он. – Не прогоню и не прокляну. Ну, говори, кого же ты избрала?

– Тебя, Ураган. И оглашаю женихом моим! И, сотворив вено, осчастливлю тебя.

Тот отпрянул, будто от огня, но Обава вскинула руку.

– Ты слово дал, не проклянешь! И примешь мой выбор! Я зрю, ты любишь меня.

– Моя любовь отеческая...

– Теперь же ты дашь согласие.

Она расстегнула пряжку на плече, сронила плащ и, обнаженная, подняла серебряный сосуд с водой, предназначенный для брачного омовения.

– Сними одежды и возьми кувшин, – непреклонно повелела Обава. – Станем творить вено.

Только в тот миг и узрел он, что у дочери все для брака заготовлено: сосуды с водой, великий серебряный таз, мечи и белое покрывало...

– Да как же ты посмела!.. – Он задохнулся. – Коснуться мыслью?! Ты, целомудренная дева?!

– Повинуйся огласу! Ведь ты же ратуешь жить по законам Тарги?

И тогда Ураган взревел, подобно умирающему туру:

– Что творишь ты, безумная? Разве может дочь огласить отца? К тому же я – государь! А со времен Аркана выбор за мной!

Ее голос треснул, надломился.

– Моя любовь верна и искренна... С малых лет, взирая на тебя, трепетало мое сердце...
– Тебя влечет любовь дочерняя! – Ураган вместе с голосом выметывал из себя ярость и негодование. – Ягиня наставляла! Учила слушать свое сердце!.. Любовь, что приводит к огласу!.. С коей творится вено, ознаменована страстью небесного огня! Сей же час укрой свое тело! Где стыд твой?!

– Позри! – властно перебила его Обава. – Мое сердце тлеет огнем истинной страсти! И в том нет моей воли.

– Чья же это воля?!

Она поставила кувшин и потянула было к себе плащ, но рука остановилась.

– Мне вещий сон приснился. От нас с тобой, от сына, мною рожденного, пойдет иное, благородное племя. И тогда сары в единый час вернутся к древним обычаям и законам.

– Ложь!..

– Я умею толковать сны! Разве ты не убедился в этом? Мой взор открыт, я зрю истину...

– Утратившим совесть истина не доступна!

– В том и суть, Ураган, я не утратила совести!

– Своим толкованием сна ты хочешь оправдать свое беспутство! Я отец тебе! И ты – моя плоть от плоти!..

– Мне ведомо это!

– Как же ты вздумала помешать нашу кровь? Переступить извечный закон?..

В ее голосе послышался звон медной обрядовой чаши, в которую бьют, возвещая тревогу:

– Ты прежде выслушай меня!

– Добро! – чуть смирился он, видя ее решимость.

– С малых лет я зрю, как ты страдаешь, не имея сына, – с медным звоном заговорила она. – Я совести не утратила. Но мыслила о тебе и о наследнике, который продолжит твою волю и вернет саров в лоно законов Тарги. Я рожу тебе сына, а чтобы не было молвы о порочности дитя, по доброй воле уйду в мир иной и унесу тайну рождения. Таким я узрела свой рок. Возьми свой сосуд и омой меня!

– Рожденный вопреки закону наследник породит еще большее беззаконие!

Дочь ни на мгновение не усомнилась и теперь даже взор ее насытился огнем.

– Тарга и Тарбита были братом и сестрой. – Ровно плетённый бич прошелестел над ухом. – От их совокупления родился Сар. Или предание суть ложь? И мы произошли не от богов, а как сакалы, от дикого скота?

– Как смеешь ты, земная!.. – Государь уже задыхался от ярости. – Уподобляться богам!.. И толковать их нравы?

– Не отвергай меня! Ведь, совокупившись, я открою тебе свою часть, которую не хочу открывать никому.

– Я не желаю такого счастья! Ибо оно – суть позор!

Обава вспыхнула огнем и закричала:

– Позри окрест себя! Мы ныне остались с тобой одни на земле, как некогда боги земного и небесного огня! А мир вокруг нас первозданно чист.

Разгневанный Ураган потряс кулаками, ибо не нашел ответного слова.

Выбежав из девичьих палат, он отыскал полотнище, но, ослепленный яростью, долго не мог узреть его цвета. А требовалось алое, коим покрываются в великом горе, но все покровы в тот миг ему чудились алыми, даже белый брачный и смертный черный.

Опасаясь перепутать, государь долго сидел с закрытыми глазами, усмиряя гнев, после чего выбрал все-таки алое и, вернувшись к дочери, накрыл ее бесстыдное тело вместе с безумной головой.

– Вот тебе брачное покрывало! Вот тебе вено! Плачь! И выплачь свои бессовестные глаза! Или я тебя сам ослеплю!

Обава же отбросила скрипучую душную ткань, потянулась к нему руками.

– Не губи меня! И себя!.. Ты пропадешь в каменной веже! А я под этим покровом!

Ураган стремительно покинул женскую половину дворца, унося за собой злую, скребущую обиду и неведомый прежде страх перед запретной прелестью дочери.

И этот страх остановил его перед желанием исполнить закон Тарги и покарать дочь темной карой, полагавшейся по обычаю за кровосмешение либо его попытку, – ослепить, выколыв глаза веретеном.

Пожалуй, он сотворил бы это, но тогда пришлось бы и самому лишиться глаз, позревших на обнаженное тело дочери.

* * *

А Обава, отвергнутая и тем униженная, сняла короткий сарский меч, висящий в изголовье ложа для творения вена, приподняла тяжелую левую персь, приставила острие к сердцу и ударила бы, но в тот миг очаг полыхнул белым искристым пламенем.

– Не смей, сестра, – был ей голос, который она знала с младенчества как голос матери. – Это мое испытание.

Она с сожалением отвела меч от груди.

– Кому же это испытание? – спросила иступленно, зная, что не будет ответа. – Мне?

– Отцу твоему, – однако же услышала Обава. – Мне любо было узнать, готов ли он во имя продления владычества своего рода нарушить законы Тарги и смешать кровь. Ураган достойно выдержал мое искушение.

– Услышь мое горе, Хара! – воскликнула она. – Искушая Урагана, ты обездолила меня! Каково быть отвергнутой?! А если б он в порыве ярости ослепил меня?

– Кого по року ждут дела великие, – глас богини небесного огня был неумолим, – велики и испытания, сестра. И это лишь начало.

– Что же мне делать? – горестно возмутилась дева. – Любовь томится в моем сердце... Она жжет мне грудь!

– Твою жертвенность я испытала. Теперь познай тоску и страдания.

Сдерживая слезы, Обава сдерживала рвущиеся из уст слова, ибо хотелось спросить, каков путь ей уготовлен и к чему такое испытание.

Едва смирив страсть, дабы не вызвать гнева, к тому же вспомнила, что боги никогда не открывали своих промыслов, дабы не искушать людей грядущим.

– Благодарю, Хара...

Это было тайное имя Тарбиты, позволяющее призывать ее в любой день и час и быть услышанной.

– Роковой срок тебе – девять месяцев. Пусть охладает твоя любовь к отцу.

И тут Обава не сдержалась, забывшись от горя.

– Зачем же такое искушение? – воскликнула она. – Зачем ты в одночасье зажгла любовь, а теперь требуешь, чтоб погасила ее и остудила сердце?

Однако гнева Тарбиты не последовало – напротив, голос ее стал мягким, материнским.

– Хочу, сестра, чтоб твое сердце закалилось, как куфский меч.

– На что мне железо носить в груди?

– С девичьим трепетным сердцем ты не исполнишь рока, начертанного мною.

Обава подавила в себе порыв спросить, а каков ее рок, и, помолчав, вскинула руку ладонью вверх со словами благодарения:

– Все во имя твое, Хара.

– По истечении рокового срока, – услышала она улетающий голос богини небесного огня, – Ураган сам придет к тебе за советом, как и прежде. И ты поведешь его. Только слушай меня и не отступи от моей воли.

Обава набросила на себя красное покрывало и опустилась возле огня, грея озябшие руки.

* * *

Ураган же, как всегда бывало в минуты смятения, вскочил на коня и долго мчался вдоль пенного морского берега, но ветер не развеял смуты в душе и разуме. Напротив, словно пламя раздул, поскольку разум его не мог вместить деяния, на которое покусилась Обава, отвергнув сарское целомудрие.

Объятый гневом, он спрыгнул с коня, распластался на земле, обнимая ее, а затем собрал сухие травы, возжег их на своих ладонях и воззвал к богу земного огня:

– Услышь меня, Рус! – Это было тайное имя Тарги. – Твое земное потомство иссякает! Родная дочь огласила отца! Опали огнем сей позор!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.